

Роковое обещание

Автор:

Анжела Марсонс

Роковое обещание

Анжела Марсонс

Безупречный английский детектив. Умный, захватывающий, жесткий! Инспектор полиции Ким Стоун #9

Когда в лесу нашли тело жестоко убитого мужчины, инспектор полиции Ким Стоун была поражена, опознав в убитом известного врача-гинеколога Гордона Корделла – главного фигуранта ее недавнего расследования загадочных смертей школьниц. Тогда доктору удалось уйти от заслуженного наказания. Но кто же теперь расправился с ним? И за что?

Ким возглавляет расследование убийства. И тут же начинают сыпаться новые жуткие известия. При загадочных обстоятельствах в автоаварии разбивается сын Корделла. Затем гибнет женщина, чья дочь работала вместе с Гордоном и была его любовницей. Что это – семейная вендетта, или же здесь скрыты причины иного рода? Ясно одно: убийца преследует одного ему ведомую цель – и он не остановится, пока не достигнет ее. Но сколько еще людей должны погибнуть, прежде чем команда Ким поймает его?

Анжела Марсонс

Роковое обещание

Angela Marsons

Fatal Promise

Copyright © Angela Marsons, 2018.

© Петухов А.С., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство Эксмо», 2020

Эта книга посвящается Кешини Найдун, без которой Ким Стоун и ее приключения существовали бы только в моем воображении. Моя вечная сказочная крестная мама.

Пролог

Лучи позднего апрельского солнца отражались от иссиня-черной поверхности катафалка, который был слишком велик для этого гроба, несмотря на то что последний утонул в целом море издевательски ярких цветов.

Гроб был настолько мал, что от одного его вида становилось плохо. Он был абсолютно белым, с бронзовыми петлями, и понесли его на своих плечах четыре друга семьи, хотя достаточно было бы и одной пары рук.

По их лицам текли слезы – это были четверо грузных мужчин, каждую пятницу встречавшихся для дружеской попойки. Во время которой эти четыре настоящих мужика рыгали, портили воздух и восхищались способностью друг друга напиваться в хлам.

А сейчас они рыдали и даже не пытались этого скрывать. Это было допустимо, и никто не решился бы осуждать их за это.

Пока они идут по проходу к алтарю церкви, в ней царит гробовая тишина. Несмотря на слезы, горе и печаль, они очень сосредоточенны. Гроб мал и легок для объединенных усилий четырех приятелей, встречавшихся на регбийном поле. Но кто захочет в такой момент споткнуться о край ковра или запутаться ногой в ручке сумки, которая по неосторожности торчит в проходе? Кто захочет уронить гроб? Кто захочет «прославиться» подобной неудачей? Кто захочет стать героем анекдота о результатах очередного пятничного загула?

А ведь я знаю, что чем сильнее ты что-то стискиваешь, чем больше не хочешь это уронить, тем легче оно выскальзывает из твоих рук.

Небольшой белый ящик провожают глазами все присутствующие в церкви. В подобном крохотном гробике есть что-то отталкивающее. Но отталкивающее всегда привлекает к себе повышенное внимание, понимаю я, глядя на то, как люди, стоящие в дальних углах помещения, выворачивают шеи. Им хочется своими глазами увидеть подобную нелепую несообразность. Проследить за этим кратчайшим и ужасным путешествием из жизни в смерть.

Где-то позади меня раздаются приглушенные всхлипывания, но большинство людей в церкви окаменели от ужаса.

Они переводят полные скорби взгляды с гроба на меня.

Я никак не реагирую на эти взгляды или выражение сочувствия на их лицах, которое они стараются сохранить как можно дольше, на тот случай, если я вдруг случайно посмотрю в их сторону, – так они хотят показать мне всю глубину своего горя. Мне не нужно их горе, и я не собираюсь делиться с ними своим.

Потому что мое мне помогает. Оно превратилось в живое, существующее помимо меня нечто, постоянно меняющее свой размер, цвет и форму. И оно уже больше не пригибает меня к земле, а всячески поддерживает меня. Оно словно воздух, которым я дышу. Оно существует во мне, как кислород, как что-то чистое и непорочное. А потом вдруг меняется и превращается во что-то другое, токсичное...

Присутствующие постепенно продвигаются за гробом по короткой тропинке, ведущей в тот угол кладбища, который сейчас украшен вымпелами, мягкими игрушками, фигурками ангелов и херувимов. Скорбящие переговариваются у

меня за спиной приглушенными голосами. Я знаю, что они ищут поддержку друг в друге. Их руки крепко переплетены, в то время как ноги делают неторопливые, уважительные шаги.

Возле могилы, которая по своим размерам больше напоминает лунку для посадки дерева или куста, но никак не место упокоения еще недавно живого существа, появляется священник. Пока гроб опускают в землю, он читает Библию.

Всхлипывания у меня за спиной превращаются в горестные завывания и вопли, которые уже невозможно сдержать и которые разносятся среди деревьев.

Вот и всё.

Гроб опущен в землю.

Я чувствую руки у себя на спине. Успокаивающие, поддерживающие. Кто-то касается меня лишь мельком, кто-то задерживает руку. Они хотят, чтобы их поддержку ощутили. Хотят разделить со мной горе, продемонстрировав таким образом собственную человечность.

Но мне на это наплевать.

Не из этого я черпаю свою силу.

И не из знания того, что всех нас ждет вечный покой.

Моя сила никак не связана с банальностями и клише этого мира, с этими публичными выражениями сочувствия, присылаемыми по почте открытками с соболезнованиями, цветами и телефонными звонками.

Силу мне дает ярость. Раскаленная добела ярость, которая сжигает все мое существо, наполняет каждое мгновение моего бытия.

Она – результат имеющегося у меня плана.

Результат того, что я знаю.

Знаю, что каждый виновный обязательно умрет.

Глава 1

Сестра закончила срезать гипс, и инспектор Ким Стоун смогла вздохнуть свободно. Все пять пальцев на ноге выглядели вполне нормально.

Наконец-то она чувствует, как свежий, прохладный воздух овеивает сухую кожу...

От удовольствия Ким громко вздохнула и, наклонившись вперед, почесала свою голень. То самое место, боль в котором сводила ее с ума последние шесть недель.

– Ну как, получше? – спросила сестра.

– Конечно, черт побери, – ответила Ким, с такой силой расчесывая ногу, что кожа заалела под ее ногтями.

И все-таки удовольствие, которое Стоун получала от этой процедуры, ничем не походило на то, о котором она мечтала в течение шести недель непрерывных мучений. Бывали ночи, когда Ким была на грани того, чтобы самой срезать этот чертов гипс и почесать ногу, но ее сдерживали мечты о том, какой кайф она испытает, когда все наконец будет позади. И вот теперь этот кайф закончился как-то слишком быстро...

Сестра протянула ей влажную салфетку, и Ким с благодарностью протерла кожу, которая все это время находилась под гипсом.

Затем подвинулась к краю кровати, а сестра меж тем отбросила в сторону ее гипс. Шесть недель он давил на ее левую ногу день и ночь, и теперь, когда она от него освободилась, Ким показалось, что нога сейчас поднимется в воздух и полетит.

Успокаивающая рука опустилась на ее бедро.

– Не так быстро, инспектор. – По лицу сестры было понятно, что она знает что-то, что неведомо Ким. – Через несколько минут придет доктор Шах. Гипс мы сняли, но еще не все закончилось.

И она похлопала Ким по ноге, словно говорила с маленьким ребенком.

– Ну да. У меня в некоторых местах...

– А-а-а, миз[1 - Миз – госпожа...; нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах. Ставится перед фамилией женщины – как замужней, так и незамужней.] Стоун, – раздался голос доктора Шаха. – Вижу, что сегодня, как и всегда, вы у нас абсолютно спокойны...

– Док, я просто хочу вернуться...

– Грустно, когда тело отказывается подчиняться твоей воле, правда?

Услышав этот легкий, жизнерадостный тон, Ким прищурилась.

Доктор Шах посмотрел на нее сквозь очки так же, как смотрел на нее, когда Стоун привезли к нему сразу же после смерти ее коллеги[2 - Здесь и далее: подробно об этих событиях рассказано в романе А. Марсонс «Мертвая ученица».]

Этот спокойный, мягкий голос смог погасить ее ярость, когда она рвалась встать с больничной койки и куда-то бежать. Куда – сама не знала. Все, что Ким помнила в тот момент, – это что ее коллега лежит весь переломанный на полу в колокольне, а ее насильно увезли в больницу.

Стоун взяла себя в руки и вернулась в настоящее. Доктор Шах положил руки ей на колени, словно хотел слегка придержать ее.

– Поднимите ногу, – сказал он, дотронувшись до ее левой ноги и задержав над ней руку.

Мозгу понадобилось несколько мгновений, чтобы отдать приказ мышцам, бездействовавшим несколько недель.

Нога поднялась и коснулась руки врача. На мгновение замерла – а потом напрягшаяся мышца верхней половины бедра опустила ее на постель.

– Теперь влево, – велел врач. – И вправо... Ваши мышцы ослаблены, и на их восстановление уйдет какое-то время. Пока же нога еще не оправилась. – Он вновь посмотрел на Ким сквозь свои очки.

Как будто она сама этого не знает... На молочно-белой коже были заметны следы, оставленные гипсовой повязкой. В том месте, где сломанная кость голени проткнула кожу, виднелся двухдюймовый шрам.

– Рентген показал, что кости срослись хорошо, однако... – начал было врач и замолчал.

«Это „однако“ не предвещает ничего хорошего», – подумала Ким.

– ...вам необходимо беречь ногу. Она будет болеть, а мышцы ослабли без движения. Я хотел бы, чтобы вы посещали кабинет физиотерапии по утрам, трижды в...

– Док, вы же знаете, о чем я буду вас просить, – прервала его Ким.

– Вы должны понимать, что вашей ноге необходимы время и щадящие тренировки, чтобы окончательно восстановиться. То, что мы привели в порядок ваши кости, – лишь первый шаг...

– Доктор Шах... – не сдавалась Ким.

Перед лицом ее нетерпения он мог только драматически вздохнуть и кивнуть в сторону костылей, которые она прислонила к рулону бумажных полотенец, висевшему справа от двери.

– Я хочу, чтобы вы продолжали пользоваться ими до тех пор, пока не закончится пара первых сеансов физиотерапии.

– Док, – не успокоилась Ким.

– Если вы не будете перенапрягаться и, по возможности, будете проводить время в офисе, сидя за письменным столом, то я согласен на то, чтобы вы вернулись к работе.

Ким перекинула свою правую ногу через край кровати и, напрягши бедренные и ягодичные мышцы, поставила левую рядом с ней.

– То есть вы официально выписываете меня, так?

Он осторожно кивнул, как будто это было решение, о котором один из них должен будет рано или поздно пожалеть.

Ким сползла с кровати и предупреждающим жестом поднятой руки остановила доктора Шаха и медсестру, которые хотели ей помочь.

Затем поставила правую ногу на пол. За ней последовала нога левая.

Боль пронизала ее от голени до бедра.

Ким покачнулась.

Доктор протянул руку, чтобы подхватить ее, но она покачала головой и вновь села.

И вновь попыталась встать, не обращая внимания на ощущение невесомости, из-за которого ей казалось, что ее нога сейчас взлетит сама по себе, словно в каком-то сценическом фокусе.

Ким осознавала, что ее нога провела шесть недель закованной в безопасный гипс, но это ощущение неустойчивости действовало ей на нервы.

Собравшись с силами, она сделала шаг вперед.

Боль осталась, но была уже не такой пронизывающей и неожиданной, как в первый раз. Не обращая внимания на капли пота, выступившие на лбу, Ким сделала еще один шаг.

Отступив, доктор Шах внимательно следил за ее движениями.

Еще один шаг. В направлении двери.

– Не пытайтесь ускорить выздоровление, – сказал врач после следующего шага.

Сжав дверную ручку, Ким поблагодарила его.

Он взглядом показал, что услышал ее. Стоун закрыла за собой дверь, так и не притронувшись к костылям, и медленно двигалась по больничному коридору. Она успела забыть, как далеко отсюда главный вход. Ведь все это время Ким передвигалась по больнице с помощью двух вспомогательных ног.

По дороге к лифтам она насчитала десять шагов. С каждым шагом ее движения становились все более естественными, словно к ней возвращалась память, однако все эти усилия заставили ее почувствовать тошноту.

На мгновение она прислонилась к стене, чтобы отдохнуть, расстроенная тем, что ее мышцы еще не до конца проснулись.

– Вам помочь, мисс? – спросил волонтер в футболке красного цвета. На значке было написано, что его зовут Терри.

Ким покачала головой, а юноша открыл дверь справа от нее.

– Здесь есть стул, – сказал он, указывая на небольшой закуток. – Присядьте. У вас такой вид, будто вы сейчас потеряете сознание.

– Спасибо, но со мной всё в порядке, – поблагодарила его Ким и двинулась в сторону главного входа, подальше от его любезностей.

Подойдя к раздвижным дверям, она увидела за ними вызванное заранее такси.

Двигалась Стоун все еще недостаточно быстро. Но пора было возвращаться к работе и команде. И хотя команда уже никогда не будет такой, какой была, все равно Ким слишком долго отсутствовала.

Глава 2

Доктор Гордон Корделл подъехал к многоквартирному дому, не переставая удивляться тому, как быстро все меняется в этой жизни.

Да что там, вся его жизнь полностью изменилась за те шесть недель, что шло расследование смерти Сэди Винтерс в его старой школе, академии Хиткрест. Ведь при этом расследовались все аспекты работы этого элитного учебного заведения для богатых и привилегированных детишек Черной Страны[3 - Черная Страна – территория в Западном Мидленде (Уэст-Мидлендс), к северу и западу от Бирмингема; во времена индустриальной революции считалась наиболее развитой в индустриальном плане частью Англии.]. И это же расследование показало, что он сделал нелегальный аборт шестнадцатилетней сестре Сэди...

Хотя выбора у него не было. Когда отец девочки все ему рассказал и выяснилось, что она переходила по крайней мере три недели по сравнению с разрешенным сроком в двадцать четыре недели, ему пришлось заручиться обязательным согласием еще одного врача, в соответствии с требованиями Закона об абортах, и после этого все-таки провести прерывание беременности.

Слава богу, что он не сохранил об этом никаких записей, а оставшиеся в живых члены семьи Винтерс не кричали об этом на каждом углу. Но эта сука-детектив и ее команда из полиции Западного Мидленда[4 - Церемониальное метрополитенское графство на западе Англии, входит в состав одноименного региона. В состав графства входят города Бирмингем, Вулверхэмптон и Ковентри, а также расположенная между ними урбанизированная территория.] сделали все от них зависящее, чтобы он предстал перед судом.

И потерпели неудачу.

Тайное сообщество Пик сплотилось и защитило его. Так что он может лишь поблагодарить судьбу за то, что в возрасте одиннадцати лет его пригласили вступить в одно из четырех секретных обществ, существовавших в Хиткресте. Корделл наслаждался принадлежностью к числу избранных и с удовольствием пользовался преимуществами членства в этом братстве, которые не исчезли и после окончания школы. Став Пикой, ты остаешься ею на всю жизнь. Так что его друзья-Пики, занимающие высокие посты, ожидаемо отмазали его. Опасность миновала.

А потом они прислали ему письмо.

И благостная уверенность в том, что он относится к неприкасаемым, улетучилась в тот самый момент, когда Гордон открыл конверт и нашел в нем порванную карту. Девятка Пик была изорвана в клочки и прислана ему. Без всякой записки. Безо всяких объяснений. Хотя они и не требовались. Он очень хорошо понял то, что ему хотели сообщить.

Пики защитили его только по одной причине: они не хотели, чтобы до него добралась полиция, и жаждали сами наказать его.

В течение сорока восьми часов после получения письма Гордона освободили от должности главного хирурга частной клиники «Окленд» в Стаутпорте-на-Северне. В тот же день у него отобрали его новенький «Лексус», а жена вышвырнула его из дома двумя днями позже, когда узнала о том, что он лишился работы. И разозлило Пик не то, что Гордон совершил нелегальный аборт. Их разозлило то, что он на этом попался.

Через неделю после ухода из «Окленда» его наняло Управление здравоохранения в Дадли, которое было счастливо иметь его среди своих сотрудников. «И ничего удивительного», – подумал Корделл. Он получил образование в лучших учебных заведениях страны, и его репутация была не запятнана. То есть его официальная репутация.

И хотя его зарплата и близко не приближалась к шестизначной цифре, которую он получал в «Окленде», она давала ему возможность выплачивать ипотеку за дом, в котором продолжала жить его жена, и у него еще оставались деньги на однокомнатную квартиру в Дадли и девятилетний «Воксхолл», на котором он теперь ездил.

Но все это ненадолго. И он это знает. Это наказание за то, что его засекли. За то, что полиция подобралась слишком близко и что на тайное сообщество, уходящее своими корнями в глубь веков, была брошена тень скандала. Но в свое время его жизнь вновь изменится. Появится Пика, которой будет нужна его помощь. Какой-нибудь лорд или член кабинета министров, у безалаберной дочери которого возникнет проблема, и сможет ее разрешить лишь человек, умеющий держать язык за зубами...

И вот тогда они позовут его назад. И его старое место работы вдруг окажется вакантным. И его «Лексус» появится на подъездной дорожке у его дома с пятью спальнями и четырьмя ванными комнатами, переделанного из бывшего амбара, а жена встретит его на пороге. На пороге дома, который вновь будет принадлежать ему...

Правда, пока ему придется делать рутинные операции отбросам общества, сидящим на шее Национальной службы здравоохранения, за какие-то сущие гроши.

– Доктор...

– Только не сейчас, миссис Уилкинс, – рявкнул Корделл, проходя мимо двери в квартиру A1, из которой выглядывала пожилая женщина.

С тех пор как Гордон сдуру сказал ей, что он врач, она практически каждый день поджидала его с постоянно возобновляемым списком якобы существующих у нее болезней.

– Но я просто...

– Простите, нет времени, – сказал Корделл, оказавшись у лестницы. Он все еще слышал, как она чем-то возмущается у него за спиной, но возвращаться не собирался. И благодарил бога, что у женщины нет доступа к Интернету. Ведь тогда она находила бы у себя одну смертельную болезнь за другой.

Корделл поднялся на два пролета лестницы, стараясь следить за своим дыханием. С его весом отсутствие лифта сказывалось, но за последний месяц ему удалось сбросить больше шестнадцати фунтов[5 - Около 7,5 кг.] со своих обычных двадцати двух стоунов[6 - Около 140 кг.]. И хотя Гордону не хотелось

дольше, чем это было необходимо, пребывать вне своего обычного образа жизни, он втайне надеялся, что к моменту возвращения домой сможет сбросить еще один стоун. Его жена, Лилит, перепробовала безо всякого успеха десятки диет, а Корделл всегда говорил, что надо просто поменьше есть и побольше двигаться. Будучи человеком не чуждым самодовольства, он с удовольствием предвкушал свой спич на тему: «А я тебе говорил...»

Эти ступеньки и еда, которую он покупал на вынос, действительно творили чудеса.

Не обращая внимания на учатившееся дыхание, белые мушки перед глазами и капли пота на лбу, Корделл открыл дверь в свое временное убежище. Эта квартира принадлежала ему вот уже несколько лет, но пользовался он ею лишь время от времени.

Гордон вошел прямо в холл, который, он готов был в этом поклясться, становился с каждым днем все меньше и меньше. В арке была видна похожая на коробку кухня без окон, но со множеством навесных шкафов. Через дверь можно было попасть в спальню, за которой располагалась ванная комната.

Вся квартира представляла собой ту же пустую коробку, какой она была в тот день, когда он впервые вошел в нее.

Корделл прошел прямо через спальню, на ходу ослабляя узел галстука. Лилит, выждав несколько дней, позволила ему вернуться за чемоданом, в который сложила его вещи. Она разрешила ему забрать их, но запретила притрагиваться к чему бы то ни было еще.

Корделл ухмыльнулся. Она так и не заметила, как он тайком прихватил фото двух своих мальчиков: Сола, который уже был хирургом, и Люка, еще учившегося на медицинском факультете. Крохотная победа, но все-таки победа.

Засунув руку в чемодан, Гордон, как всегда, попытался вытащить оттуда фотографию.

Он не хотел ставить ее возле кровати – каким-то образом это намекало на неизменность его нынешней ситуации, а он был не готов признать это.

Его пухлые пальцы коснулись шелковой подкладки чемодана.

Нахмурившись, Корделл отодвинул в сторону пару туфель и две пары носков.

Он не почувствовал ничего, кроме шелка подкладки и крепежного ремня.

Гордон осмотрел комнату, хотя был уверен, что не доставал фото из чемодана.

– Куда, черт побери...

Слова застряли у него в горле. Голову расколол приступ ослепительной боли.

Он упал вперед лицом, услышав звук разлетающегося на осколки стекла.

Из глаз у него посыпались искры, к самому горлу подступила тошнота. Гордон почти потерял сознание. Чтобы остановить рвоту, ему пришлось сглотнуть скопившуюся во рту слюну.

Он быстро заморгал, стараясь отогнать подступавшую темноту.

– Здравствуйте, доктор Корделл, – произнес негромкий спокойный голос у него за спиной.

Борясь с тошнотой, он постарался повернуться, чтобы посмотреть на нападавшего.

Голос был ему незнаком, но, повернувшись, Гордон узнал лицо. Он уже видел его раньше, но никак не мог вспомнить где.

– Какого...

– Заткнитесь, доктор Корделл, – прервал его нападавший. – А у вас милые сыновья...

Услышав это, Гордон заморгал, чтобы восстановить зрение. И только после этого понял, что его ударили по голове именно фотографией. Фотографией его

прекрасных сыновей.

Теперь фото ткнули ему прямо в лицо.

– Пришло время, доктор Корделл. Время сделать выбор.

Глава 3

Подходя к дверям участка, Ким постаралась избавиться от чувства беспокойства. Она не появлялась здесь больше месяца. А ведь вначале отказывалась уходить на больничный, утверждая, что может функционировать абсолютно нормально, но ее шеф оценил ситуацию несколько по-другому.

Джек, сидевший в дежурной части, кивнул и улыбнулся ей.

– С возвращением, мэм, – произнес он.

Ким молча кивнула ему в ответ.

Она шла по знакомым коридорам, пропитанным и радостью, и горем, в которых заступала на дежурство новая смена.

Обычно Стоун поднималась в офис босса, расположенный на третьем этаже, перепрыгивая через две ступеньки за раз, и даже не обращала на это внимания. Сейчас она воспользовалась лифтом. Прежде чем постучать в дверь офиса Вуди, прошла мимо двух кабинетов его заместителей – и опять почувствовала беспокойство. Те действия, которые она автоматически совершала бесчисленное количество раз за последние несколько лет, сегодня вызвали у нее затруднения.

Не успела Ким перенести вес на правую ногу, как его низкий, спокойный голос разрешил ей войти.

Инспектор распахнула дверь и неожиданно поняла, что этот мужчина был единственным неизменным фактором в ее жизни.

Она никогда не сомневалась, что увидит его сидящим за этим столом в изысканной сорочке, чья белизна подчеркивается коричневым оттенком его гладкой кожи и выбритой головой. На левой руке все еще поблескивало обручальное кольцо, несмотря на то что жену он потерял три года назад.

Вуди снял очки и положил их возле рамки с фото своей внучки Лиззи.

– Итак, Стоун, вы вернулись?

Именно эти слова она и ожидала услышать от него – правда, произнесены они были странным тоном. В его голосе различалось напряжение с оттенком некоторой неизбежности. И говорил он сквозь стиснутые зубы, словно момент встречи наступил слишком быстро.

– В полной боевой готовности, сэр, – ответила Ким, делая шаг вперед.

Вуди холодно оглядел ее. Другого она и не ожидала. Между ними осталось нечто, что им еще предстояло обсудить.

– Сэр, я хотела кое-что... – начала Стоун, глубоко вздохнув.

– Вам необходима консультация, Стоун, – прервал он ее. Было ясно, что у них разные приоритеты.

– Совсем необязательно, – автоматически возразила Ким.

– И кто так считает?

– Я, сэр. Я готова вернуться к работе.

– Раньше я уже не согласился с вашей оценкой своего собственного физического состояния; так почему вы считаете, что теперь я соглашусь с тем, как вы оцениваете свое психологическое состояние?

– Потому что я знаю свой мозг лучше кого бы то ни было, – просто ответила Ким.

– Стоун, иногда я люблю съесть хороший стейк, но это не значит, что я – мясник. У вас назначена консультация с нашим психологом для...

– Нет, – решительно ответила Ким.

– Это не обсуждается. – Лицо Вуди окаменело.

Ким достала свое удостоверение и положила на стол.

– Вы правы, сэр. Не обсуждается.

Больше никогда и ни за какие коврижки она не подпустит к себе штатного полицейского психолога. Лет десять назад, когда Стоун была еще констеблем, она принимала участие в расследовании дела о растлении малолетних. В тот день, когда органы опеки, в сопровождении Ким, прибыли в дом, чтобы забрать из него одного мальчика, они нашли его мертвым.

И обычный визит к полицейскому психологу превратился в нечто большее, когда последний попытался увязать гнев, который Ким испытывала в тот момент, со смертью ее брата-близнеца, случившейся, когда Ким было шесть лет[7 - См. роман А. Марсонс «Немой крик»]. То, что он выудил эту информацию из ее личного дела, было само по себе плохо; а ведь психолог, ко всему прочему, стал настаивать на том, что она помогла Мики уйти из жизни, когда они оба умирали от голода, прикованные к батарее отопления. И это окончательно вывело Ким из себя. Она действительно помогала Мики уйти из жизни, но только в своих снах.

И несмотря на ее протесты и объяснения, что разозлилась она только потому, что жизнь мальчика в конечном счете оказалась зависима от несчастного ордера, который не могли подписать в течение двух часов, психолог в своем отчете отметил, что Ким «без должного внимания относится к важным вещам, которые в будущем могут превратиться в проблему».

К счастью, ее сержант был замучен работой и у него не хватало людей, поэтому сделал на этом отчете пометку: «Маловероятно, что к тому времени эта проблема будет меня касаться». А ведь если б он подошел к этому вопросу более

ответственно, то Ким вполне могла потерять работу.

Наклонив голову, Вуди ждал от нее объяснений.

– Я никому не позволю копаться у меня в голове, и вы это знаете. Я не собираюсь никому ничего рассказывать, и поверьте мне, сэр, так будет лучше для всех.

По выражению на его лице было понятно, что он не собирается сдаваться.

– Это требования...

– Сэр, – перебила его Ким, – проблема лишь в том, что вы должны быть уверены, что я способна исполнять свои обязанности?

– Нет, проблема гораздо шире, – возразил Вуди. – Один из членов вашей команды погиб...

– Вам не стоит напоминать мне об этом. – Эти слова вырвались у нее прежде, чем она сообразила, что собирается сказать. Поэтому, решив продолжать, Ким слегка изменила тон. – Но если отбросить в сторону все остальное, то главное, что вас действительно интересует, – это могу ли я нормально функционировать, не так ли?

Вуди согласно кивнул.

– В таком случае до конца недели на ваш стол ляжет отчет, составленный квалифицированным психологом, в котором будет ответ на этот ваш вопрос. А пока – вы достаточно хорошо меня знаете, чтобы позволить мне приступить к работе.

– В паре с Брайантом?

Ким с трудом сдержалась, чтобы не закатить глаза. Ее босс явно чувствовал себя спокойнее, когда она была привязана к своему постоянному, прагматичному партнеру. Ким не была уверена, как к этому отнесется сам Брайант. Она не видела его вот уже несколько недель.

– Обязательно, – ответила инспектор, надеясь, что Брайант с ней согласится.

Вуди какое-то время размышлял, а потом кивнул и подтолкнул к ней удостоверение, лежавшее на столе.

– Драматическая актриса из вас никудышная, Стоун.

Ким взяла удостоверение, ничего не сказав. Это был не спектакль. Она бы действительно ушла.

Стоун глубоко вздохнула.

– Мне жаль, сэр... – произнесла она с трудом. Ей редко приходилось извиняться.

– Проехали. – Вуди так и не расслабил мышцы лица.

– Нет, сэр, дослушайте меня, – упрямо продолжила Ким. – Может быть, с этими извинениями я и опоздала на шесть недель, но я должна была больше доверять вам, расследуя дело в Хиткресте. И должна была знать, что вас в первую очередь волнует судьба этих детей. Больше я не сделаю подобной ошибки.

Во время этого последнего расследования Ким пыталась заставить Вуди объявить о смерти ребенка, квалифицировав ее как убийство. Она считала, что так они защитят других учеников Хиткреста. Однако высокое начальство запретило произносить слово «убийство» на пресс-конференции. У Ким возникли сомнения в добропорядочности ее босса – ей ничего не было известно о договоренности между Вуди и Фрост, журналисткой из «Дадли стар», согласно которой последняя должна была задать вопрос об убийстве в процессе самой пресс-конференции, с тем чтобы получить ответ, так нужный Ким, и при этом не подставить Вуди. Ей было тяжело из-за того, что она тогда так и не поняла замысел своего начальника. А еще тяжелее ей было от того, что указала ей на это именно Трейси-гребаная-Фрост. Что в очередной раз напомнило Ким, почему более высокая должность ей не светит. Политика была прерогативой Вуди.

– Ну что, вам стало лучше, Стоун? – спросил Вуди. Уголок его рта подергивался.

– А вы знаете, сэр, да, – честно ответила Ким.

С самого момента пресс-конференции отношения между ними были натянутыми, и это несмотря на смерть Доусона, но Ким надеялась, что в процессе работы они смогут восстановить ту атмосферу взаимного уважения и доверия, которая всегда существовала между ними.

– Вы знаете, Стоун, без вас здесь было удивительно спокойно, – заметил Вуди, и его взгляд немного потеплел.

– Не сомневаюсь, сэр, – Ким согласно кивнула. – Но я вернулась. И что там, черт возьми, с моей командой?

Глава 4

Стоун вошла в помещение отдела и зажгла свет. Первое, что она увидела, был стол Доусона. Пошатнувшись, инспектор невольно отступила на шаг. Почему-то она ожидала увидеть на столе его вещи. И фотографию Шарлотты. Вместе с пресс-папье, под которое сержант клал документы, считавшиеся срочными. И с фигуркой инопланетного кивающего болванчика на солнечных батарейках, которую купила ему Стейси, как только он признался в разговоре, что ненавидит их. И тем не менее держал ее на своем столе.

Кому-то хватило сил убрать эти вещи, и теперь стол был абсолютно пуст. Пустой стол. Просто рабочее место. Как будто Доусона никогда не было.

Ким взяла себя в руки и прошла к застекленной выгородке в углу комнаты. Восемь квадратных футов, на которых разместились письменный стол, кресло и картотека, казалось, уменьшились в размерах за то время, что она отсутствовала.

В тот момент, когда Стоун вешала свою кожаную куртку на спинку кресла, в помещении появился Брайант. Первый из ее команды. И теперь он был ровно половиной ее команды. Прежде чем улыбнуться и протянуть ей руку, сержант бросил быстрый взгляд на пустой стол.

– Вечер добрый, мэ, меня зовут...

Ким покачала головой, показывая, что шутка вышла не смешной и неуместной.

– Как нога? – спросил Брайант, усаживаясь за стол.

– Неплохо, – ответила Ким, не вдаваясь в подробности. – Думаю, что ты обрадуешься, узнав, что я не могу ездить на машине.

– Это мне уже известно, командир. То есть, прошу прощения, вы имели в виду, что вам не разрешили самой водить машину?

Ким не могла не улыбнуться, почувствовав, как быстро восстановилась атмосфера дружеских подшучиваний, всегда существовавшая между ними. «Так и должно быть между друзьями», – подумала она. Даже теми, которые не виделись больше месяца.

И не встречались они по ее инициативе, а не по его.

Ким была уверена, что рано или поздно им придется обсудить ее уход в тень, но была благодарна за то, что Брайант не начал этого прямо сейчас.

– А где...

– Привет, босс, – раздался делано веселый голос Стейси, влетевшей в комнату. Прежде чем плюхнуться на стул, она сняла с плеча свою сумку-мешок.

Ким заметила, что констебль даже не взглянула на пустой стол напротив.

– Ну что, вы двое неплохо отдохнули? – спросила Стоун, присаживаясь на угол стола.

Ей пришло в голову, что сейчас они впервые с момента смерти Доусона собрались в офисе все вместе. Ким чувствовала себя не в своей тарелке. А ведь много раз до этого они тоже собирались в комнате только втроем, но задумалась она об этом, только когда была на больничном. А случилось следующее: обычно, когда Барни был где-то в другой комнате, Стоун никогда не задумывалась о нем и продолжала заниматься своими делами, как будто он лежит рядом. Но недели две назад собачий парикмахер забрал пса на очередное расчесывание шерсти, и

Ким вдруг почувствовала невероятную пустоту в доме. Она ничего не могла делать – просто бродила по дому, ежеминутно поглядывая на часы, пока наконец звонок в дверь не сообщил о возвращении собаки... Вот и сейчас она чувствовала себя не в своей тарелке – не потому, что Доусон не сидит за своим столом, а потому, что он больше вообще нигде не сидит.

– Я провел это время на «курорте» в Брирли-Хилл[8 - Небольшой городок в Западном Мидленде, расположенный в 2,5 мили от Дадли.], – ответил Брайант. – В основном занимался бумажной работой. Они там все повернуты на бумажках. – Он осуждающе покачал головой.

– А мой «курорт» оказался в Седжли[9 - Деревня, расположенная недалеко от Дадли и Брирли-Хилл.], босс, – вторила ему Стейси. – Отсматривала записи с камер наружного наблюдения.

Ким знала, что на время ее отсутствия ребят разбросали по другим командам. И, кажется, нигде толком не знали, что делать с неожиданным пополнением, так что дали им «работенку для дураков», как называла это сама Ким.

– И что, было там что-то интересное? – спросила Ким, почти физически ощущая пустоту на их столах, так как все дела распределялись между другими участками.

Оба отрицательно покачали головами, хотя Стейси задержалась на какую-то долю секунды.

– А как насчет... – Брайант кивнул на пустой стол.

– Вуди этим занимается, – Ким подняла руки. Больше начальство ничего ей не сказало.

Она посмотрела на часы. Было почти семь вечера, но ей хотелось просто встретиться с ними, прежде чем завтра начнется настоящая работа.

– Что ж, спасибо...

Ким замолчала, услышав звонок своего мобильного.

Ответив, она какое-то время молча слушала, а потом разъединилась.

И повернулась к тому, что осталось от ее команды.

– Надеюсь, что вы оба хорошо отдохнули. А теперь – по коням.

Глава 5

– Послушай, я просто была не готова, – сказала Ким, пока Брайант выезжал с территории участка.

Окружная дорога Хейлсовена[10 - Крупный торговый центр в округе Дадли. Считается одним из самых крупных английских городов, в которых нет железнодорожной станции.] уже затихла после вечернего часа пик.

– А я ничего и не сказал, командир.

– А тебе и не надо было, – сказала Ким, поудобнее ставя ногу. – За милую душу чувствуется, как ты меня осуждаешь.

– Командир, это всё домыслы. Тебе надо было побыть одной, вот я и предоставил тебе такую возможность. Все просто.

Стоун посмотрела направо и не увидела на лице сержанта и намека на притворство.

Он дважды звонил ей и напрашивался в гости, и она дважды ему отказала. Ведь с ним надо было бы разговаривать, а она не хотела. И не могла.

– Хуже от этого было только тебе, – добавил сержант, поворачивая налево с A485 и направляясь ко входу в Лисоу-парк. От этих слов Ким стало легче.

«Точно. Возможно, он прав».

– Не знаешь, куда мы... – Брайант не договорил, заметив три полицейские машины, припаркованные возле домика смотрителя в конце парковки и блокирующие вход в парк.

Лисоу – это территория в 121 акр, расположенная к востоку от Хейлсовена. Парк, основанный в середине 1700-х годов поэтом Уильямом Шенстоном, предлагает посетителям грунтовые пешеходные дорожки, лесной массив, луг, ручьи, водопады и большие пруды. Парк 1-й категории, внесенный в Национальный реестр исторических парков и садов Великобритании, является одним из первых естественных ландшафтных парков в стране. Хотя этот факт не останавливает молодежь от сидения на скамейках парка с сигаретами и банками сидра, а мелких торговцев наркотиками – от продаж своей отравы в паре хорошо всем знакомых точек на границе парка.

Ким поняла, что они прибыли первыми, если не считать дежурных нарядов полиции. От участка до парка они добрались меньше чем за пять минут.

– Возьми, командир, – Брайант протянул ей пару синих бахил, которые достал из багажника машины. Было приятно видеть, что он, как всегда, готов ко всему.

Они подошли к группе людей в желтых жилетах на западной опушке, которые натягивали между двумя деревьями полицейскую ленту. Здесь их ждал полицейский в форме.

– Прошу сюда, мэм, – дородный констебль кивнул в сторону леса. – Мы ничего не трогали.

– Что, даже пульс не проверяли? – уточнила Ким.

– Ни к чему, мэм, – полицейский покачал головой.

Стоун пошла по тропинке, уходившей в глубь леса. И футах в двадцати, возле одиноко стоящей скамейки, нашла то, что искала.

Когда она приблизилась к телу, на ее руку упала дождевая капля. Тяжелая и теплая.

Почувствовав, как напрягся рядом с ней Брайант, инспектор проследила за его взглядом. И сразу же поняла, о чем он сейчас думает. То, как лежало это тело, напоминало положение тела Кевина Доусона, когда они нашли его у подножья колокольни. Ким подумала, не будут ли они теперь видеть своего коллегу в каждом найденном трупе.

– Выясни, что они уже знают, – распорядилась она, кивнув в сторону группы констеблей.

Прежде чем отойти, Брайант еще раз взглянул на тело.

Стоун вздохнула и, постаравшись забыть о Доусоне, приблизилась к трупу.

Он лежал ничком, со слегка повернутой головой. Левая щека была погружена в жидкую грязь, оставшуюся после прошедшего дождя. В спутанных темных волосах на затылке виднелась полоска засохшей крови.

Еще несколько капель упали Ким на голову – вот-вот должен был начаться новый ливень.

Стоун поняла, почему констебль даже не удосужился проверить пульс. Трава вокруг тела была вся в кровавых пятнах, а тот глаз, который она могла рассмотреть, не моргая уставился вдаль.

На шею ей упала новая дождевая капля. Черт побери, экспертов с палаткой еще не видно, а у Брайанта, как бы хорошо он ни был подготовлен, палатки в багажнике наверняка нет... Ким хорошо знала, что дождь – это главный враг экспертов-криминалистов. Если не считать безответственности низших чинов на дежурстве.

Надо было быстро что-то придумать. «Пользуйся подручными средствами», – велела она себе.

Прямо рядом с ней расположились шесть полицейских в форме. Ей надо было на что-то решаться. То ли попытаться защитить все место преступления, то ли попробовать спасти только сам труп. Что в конечном итоге может обеспечить им наибольшее количество улик?

– Ребята, все сюда, и снимайте ваши жилеты, – приказала она, а дождь меж тем стал сильнее. – Нам надо прикрыть труп.

Ким встала на колени рядом с телом, а вокруг нее зашуршали светоотражающие жилеты.

Она сморщилась, почувствовав, как боль пронзила ногу от голени до паха.

Несмотря на плащ на трупе, было видно, что у убитого были проблемы с лишним весом. Добротные пиджак и ботинки. Руки вытянуты вдоль тела и лежат там, где оказались в момент падения, – было видно, что жертва не пыталась остановить или замедлить его. Смерть наступила еще до того, как тело коснулось земли.

Инспектор прищурилась и достала свой фонарь – жилеты накрыли ее с головой, и теперь ей не хватало света, хотя труп оставался сухим.

У себя за спиной она услышала звук подъехавшей машины. Должно быть, это патологоанатом Китс или Митч, который обычно возглавляет группу судебных экспертов.

Стоун успела дотянуться до внутреннего кармана убитого и вытащить его бумажник, прежде чем эти двое появятся рядом и скажут ей, что этого делать нельзя.

Ощущение влажной подкладки кармана напомнило Ким о том, что влага от земли просачивается сквозь ее брезентовые штаны и уже добралась до коленей.

На мгновение она задумалась, что сказал бы доктор Шах, увидь он ее сейчас. «Никакой езды за рулем, только несложные задания и работа за письменным столом», – напутствовал ее лечащий врач. Что ж... ограничений не слишком много, а одно из трех так просто в кассу.

Стоун открыла бумажник из хорошей кожи – и сразу же исключила наиболее вероятный из всех мотивов. Этого человека убили не из-за денег. В бумажнике лежало около восьмидесяти никем не тронутых фунтов стерлингов.

В луче фонаря она смогла рассмотреть небольшую фотографию двух мальчишек – темноволосых смеющихся братьев.

Увидев фото на водительских правах, нахмурилась и поднесла его ближе к глазам. Луч фонаря осветил имя владельца.

– Брайант! – крикнула Стоун, внимательно прочитав его еще раз.

– Слушаю, командир. – Сержант забрался в рукотворное подобие палатки.

Зрение точно не подвело ее.

– Боже мой, – выдохнула Стоун. – А ведь мы, черт побери, его знаем...

Глава 6

Стейси заставила себя посмотреть на пустой стол, и эмоции вновь захлестнули ее, как будто все произошло только вчера.

То, что она в последнее время находилась вне офиса и в том месте, где ее коллега никогда не бывал, позволило ей отвлечься от печальных мыслей. Стейси была почти уверена, что любой психолог назвал бы это реакцией избегания[11 - Защитный механизм психики, заключающийся в уклонении (отказе, уходе) от ситуаций и источников неприятного воздействия.]. Хотя по ночам кошмары повторялись, как рябь на воде. Они всегда были одними и теми же. Она тянется к нему, хватая его за руку и почти вытаскивает его, – а потом он улыбается и выпускает ее руку...

Стейси не знала, что более жестоко: вновь и вновь переживать его смерть, как некий мучительный «день сурка», или почти спасти его во сне лишь для того, чтобы проснуться и вспомнить правду. Опять и опять...

Несмотря на прошедшие недели, Стейси не могла сдержать слез, когда вспоминала, что Кевин уже никогда больше не сядет напротив нее. И никогда больше не улыбнется ей своей мальчишеской, озорной улыбкой, означавшей, что

ему что-то от нее надо. И не закатит глаза, выслушивая сверхосторожные отеческие советы Брайанта, или не подмигнет ей, намеренно пытаясь вывести босса из себя. И не будет полностью игнорировать ее присутствие, занятый какими-то своими делами...

Она барабанила пальцами по столешнице, ожидая, когда схлынут слезы.

Босс с Брайантом поспешно уехали, получив информацию о найденном труп. Обычно в таких случаях Стейси с Доусоном сидели в офисе и ждали указаний. А теперь она сидит здесь в одиночестве... У нее было странное ощущение, как будто о ней забыли.

Стейси отбросила в сторону эту мысль и вернулась к тому моменту, когда босс спросила ее, не работала ли она над чем-нибудь особо интересным.

Тогда она соврала.

Покопавшись в сумке, констебль вытащила фотографию пятнадцатилетней девочки по имени Джесси Райан.

Глава 7

Только когда Митч со своими коллегами установили защитный тент, Ким дала разрешение разобрать жилеты.

– А ты быстро сообразила, – сказал Митч, подходя. – Спасибо.

Ким молча кивнула в ответ, стараясь ничем не выдать страданий, которые причиняла ей боль в ноге.

Она всегда мечтала превзойти Митча в качестве человека, руководящего расследованием непосредственно на месте преступления. Его скорость и точность в выборе приоритетных направлений поисков, которые он вел, консультируясь с ней, как с офицером, ответственным за расследование, никогда не вызывали у нее сомнения. В ответ на это Стоун, прибывая на место

преступления, тщательно выполняла все правила по розыску, сохранению и защите вещественных доказательств.

Если прибавить сюда патологоанатома – обычно это был Китс, – то именно они трое должны были найти ответы на шесть основных вопросов: «Имя жертвы?», «Что произошло?», «Где это произошло?», «Когда это произошло?», «Почему это произошло?» и, наконец, «Как это произошло?».

– А вот и твой лучший друг, – прервал ее мысли Митч, кивая в сторону Китса, проходившего рядом с патрульными машинами.

Патологоанатом подошел, напевая песню «Воссоединились»[12 - Хит вокального дуэта «Питчез энд Херб» (1978).] и внимательно оглядывая их с Брайантом.

– Рада снова видеть вас, Китс, – произнесла Ким.

Мгновение он просто рассматривал ее.

– А вот эта гримаса, которая появилась у вас на лице и которую вы тщетно пытаетесь скрыть, – это из-за моего появления или же сие результат вашего ранения, инспектор? – спросил он наконец.

– Знаете, и то, и другое – моя вечная боль...

– Китс, как хорошо, что вы приехали, – Брайант вышел вперед и протянул патологоанатому руку.

– Ну, и кто у нас там? – спросил Китс, делая шаг под тент. – Это я вас спрашиваю, инспектор, поскольку что-то подсказывает мне: вы не выдержали и уже все осмотрели в мое отсутствие.

Точно. Он хорошо ее изучил.

– Доктор Гордон Корделл, звезда гинекологии.

– Неужели?

– Ну, может быть, не совсем звезда, но практика у него была обширная.

– Имя кажется мне знакомым, – заметил Китс, беря у Ким водительское удостоверение. – Нет, не вспомню, – покачал он головой, посмотрев на фото.

– Имя было во всех газетах несколько недель назад. В связи с расследованием в Хиткресте, – подсказала детектив.

– Ну конечно, как такое забудешь, – печально сказал патологоанатом, ни к кому конкретно не обращаясь.

Это он первым приехал в Хиткрест, чтобы практически соскрести с пола останки человека, которого знал как своего хорошего коллегу. И хотя Ким заставили покинуть место преступления еще до приезда Китса, она была уверена, что, независимо от того, как сильно последний был потрясен видом Доусона, лежащего на полу колокольни, он выполнил свою работу на отлично.

– Это не его вы подозревали в подпольных абортах? – Вопрос Китса вернул Стоун в настоящее.

Вот именно.

Ким возмущало то, что ее ребята так и не смогли предъявить этому человеку обвинение. Сам по себе скандал, в котором оказалась замешана семья Винтерс, оказался достаточно громким, но ни Саффрон, ни ее отец не хотели заставить его расплатиться за все. А вот теперь он за что-то расплатился...

– Ладно, давайте-ка я посмотрю... – с этими словами Китс опустил на землю.

Увидев в его руках ректальный термометр, Ким отошла в сторону. Брайант последовал за ней.

– Ты же не думаешь, что это как-то связано с делом Хиткреста, правда? – спросил он.

Инспектор пожала плечами и достала телефон.

– Стейс, убитый – доктор Гордон Корделл.

– Из Хиткреста? – спросила девушка ломким голосом, как будто для того, чтобы произнести название академии, ей пришлось перекачивать во рту осколки стекла.

– Именно, – ответила Ким. – Попробуй раскопать что-нибудь, Стейс. Проверь, чем он занимался после всех тех событий.

– Уже делаю, босс.

Ким разъединилась. Голова у нее раскалывалась от напряжения. Были ли замешаны в этом преступлении Пики из тайного общества Хиткреста? Он что, прооперировал не ту девочку? Или сказал что-то не вовремя? А может быть, знал что-то про кого-то? Боже, этим вопросам не будет конца...

– Мы готовы перевернуть его, инспектор, – бросил Китс через плечо.

Тело было настолько большим, что ему помогли Митч и еще два эксперта.

Они осторожно перевернули тело на бок, а потом на спину, подложив при этом под голову кусок материи, чтобы не потерять никаких фрагментов, которые могли находиться в ране на затылке.

– Твою ж мать... – Глаза Ким расширились.

– И это еще мягко сказано, – добавил Брайант.

Шея убитого была располосована от уха до уха. Кожа на разрезе отвисла, превращая его в подобие открытого в крике рта. Кровь, вылившаяся из раны, сначала попала на свисающий лоскут кожи, а потом протекла ниже и окрасила его одежду в багровый цвет.

По своему опыту Ким знала, что места преступления редко похожи на сцены из фильмов ужасов, но это было исключением.

Когда Китс перевернул труп, стала видна земля под ним. Перед ними блестела настоящая кровавая река.

– Убийца стоял за спиной? – спросила Ким.

– Думаю, – ответил Китс, – что убитый стоял на коленях, его голову оттянули назад, чтобы обнажить шею, и... – Он провел рукой по своей шее.

– Уверена, что я сама способна определить причину смерти, – заметила детектив. – А вот время...

– Не более двух часов назад, – ответил патологоанатом.

«Значит, около шести вечера», – подумала про себя Ким.

Она сощурилась.

– В чем дело, командир? – спросил Брайант, прочитав выражение ее лица.

– Как они это сделали? – задала вопрос Ким.

– С помощью очень острого ножа, – ответил сержант.

Не обращая на него внимания, Стоун огляделась вокруг.

– Здесь нет ни одной машины – каким же образом убийце удалось доставить его сюда? – Она показала на землю. – На траве нет никаких следов волочения. А убитый – мужчина не маленький. Думаю, стоунов двадцать или около того. Здесь надо было приложить силу.

– Мне кажется, все дело в ране на затылке, – предположил Брайант. – Его могли для начала вырубить. Он вообще мог быть в полубессознательном состоянии.

– В этом случае его было бы так же тяжело перемещать, как и труп, – инспектор покачала головой.

– То есть убийца был не один? – уточнил сержант.

– Возможно. Но все равно, его надо было как-то притащить сюда.

– Может быть, он назначил здесь встречу? Знал убийцу?

– А потом встал на колени и спокойно ждал, когда его убьют?

– Ты считаешь, что это может что-то означать? – Брайант пожал плечами.

– Пока не знаю, – призналась детектив и повернулась к Китсу. – Когда вы заберете его, посмотрите, нет ли на нем ран, говорящих о сопротивлении.

– Ну конечно, инспектор, без вас я ни за что не догадался бы, – Китс приподнял одну бровь. – Я ведь занимаюсь этим всего-то двадцать три года. Не понятно, как это я обходился в ваше отсутствие...

Улыбка на губах Ким показала, что она не пропустила эту отповедь мимо ушей. Стоун молча наслаждалась его бесящим ее занудством, которое не могли изменить никакие обстоятельства.

– Создается впечатление, что отдых пошел на пользу вашим мыслительным способностям, – добавил патологоанатом, отворачиваясь.

Ким не стала с ним спорить.

– Но я могу показать вам кое-что интересное... – с этими словами Китс указал на пятно на пиджаке Корделла.

– Это что, след ботинка? – уточнила Стоун.

– Именно. И мы уже сфотографировали его под разными углами. Но посмотрите повнимательнее...

Ким так и сделала – и заметила то, на что намекал эксперт.

– Ножевые раны?

– И я пока насчитал двадцать семь, – Китс кивнул. – Все нанесены уже после смерти жертвы.

«Но почему так много, если он был уже мертв?»

– Знаете, инспектор, мне кажется, убийца знал свою жертву и не очень-то ее жаловал.

Ким согласилась с этим и подумала, что эта информация ничуть не поможет ей сузить круг подозреваемых, принимая во внимание то, что она знала об убитом.

Глава 8

Стоун, с чашкой крепкого черного кофе в руках, устроилась на краю свободного стола. Из-за постоянной боли и ночных кошмаров она не смогла заснуть раньше двух часов утра.

Ее команда в ожидании смотрела на нее. Начинался их первый рабочий день без детектива-сержанта Кевина Доусона. Стоун не знала, ждут ли от нее каких-то слов. Чтобы как-то зафиксировать ситуацию, может быть, официально сообщить о его смерти? Но она не станет этого делать.

– Прежде чем мы начнем, хочу сообщить, что скоро у нас появится новый сотрудник. Судя по всему, это расследование потребует от нас напряжения всех сил.

Она не стала говорить, что ее первая реакция на предложение Вуди была резко отрицательная. Но босс был прав. У них на руках труп, и ее личные ощущения не имеют никакого значения.

Инспектор подождала, пока ее люди усвоят информацию о том, что их вновь будет четверо, но четвертый не будет Доусоном.

Ким посмотрела на пустой стол.

– Стейси, пересесть, – велела она.

– Босс?...

Стоун кивнула на раздражающий ее стол.

Проследив за ее взглядом, Стейси все поняла.

– Слушаюсь, босс, – сказала она, собирая вещи.

Ни один из них не мог смириться с мыслью, что за столом Кевина будет сидеть чужак.

– Брайант, к доске, – распорядилась Ким, пока Стейси переносила свои вещи.

Сержант взял с принтера четыре фотографии. Написав на доске имя «Корделл», он прикрепил под ним распечатки. На первой была рана на шее, снятая с близкого расстояния, – при дневном освещении она выглядела не менее ужасающе.

– Ого, – сказала Стейси, передвигая свое эргономическое кресло на удобное место.

На второй фотографии было тело убитого до того, как его перевернули; на третьей – четкий снимок следа обуви. Пока это их единственная улика. На последнем фото фигурировала рана на затылке.

Перенеся все свои вещи, Стейси включила компьютер и присоединилась к обсуждению.

– Все хорошо? – спросила ее Ким.

– Да, босс, – констебль улыбнулась.

Пересадка изменила картинку перед ней. Теперь больше не надо таращиться на пустой стол, мысленно представляя себе Кевина, сидящего за ним.

– Ладно. Итак, мы знаем, что Корделлу разрезали горло от уха до уха, но на этих фотографиях не видны многочисленные ножевые раны на теле. Всего их около двадцати семи, и нанесены они были уже после смерти жертвы... Машины Корделла на месте преступления не обнаружили. То есть убийца или уехал на ней, или убитый добрался до парка каким-то другим способом. На месте не видно никаких следов борьбы, так что, возможно, убийца был не один. С того момента, когда мы видели его в последний раз, Корделл немного похудел, но тем не менее двигать его тело совсем не просто.

– Откуда так много ножевых ран? – спросила Стейси.

Обсуждая преступления в команде, они всегда начинали с вероятного мотива. Озлобление, идеология, ощущение вседозволенности, корысть, психоз, адреналин... Судя по количеству ран, в данном случае речь могла идти о первом мотиве, но это вовсе не значило, что все остальное можно было автоматически исключить.

– Исступление, – пояснила Ким, проследив за взглядом Стейси. – Просто убить для убийцы было недостаточно. Он хотел убивать снова и снова.

– Боже, что же натворил этот несчастный? – вновь спросила Стейси.

– Мы знаем о его роли в деле Хиткреста, о связи с Пиками и о нелегальных абортах. С этого и начнем наше расследование. В девять мы с Брайантом будем на вскрытии, а потом пообщаемся с его семьей, если ты сможешь...

– Уже сделано, – Стейси протянула Брайанту листок бумаги.

– Два адреса? – уточнил сержант.

– Ну да. Очаровательный домик в Хартлбери и квартирка в Дадли с одной спальней.

– Интересно, – заметила Ким.

– И я почти уверена, что он больше не работает в «Окленде». – Стейси набрала что-то на клавиатуре; инспектор подошла и встала рядом. – Потому что на сайте клиники, на страничке сотрудников его больше нет.

«М-м-м-м... – подумала Ким, – еще интереснее».

И тут ей в голову пришла мысль...

– Тук-тук, – раздалось от двери.

Три головы повернулись одновременно, и три пары глаз уставились в одну и ту же точку.

Ким потребовалось не более трех секунд, чтобы все понять.

Все они смотрели на замену Кевину Доусону.

Глава 9

– Но почему именно он? – Ким вне себя мерила шагами кабинет Вуди. – Почему этот гребаный Пенн?

– Зачем вы начинаете всё сначала, Стоун? – спросил Вуди, холодно глядя на нее. – Один раз я уже сделал скидку на шок, который вы испытали, узнав имя того, кто заменит Доусона. Впредь я прошу вас следить за вашим тоном.

Ким сглотнула горечь во рту.

– Итак, если вы успокоились достаточно, чтобы понять, где находитесь, я все объясню.

Ким кивнула, хотя не могла представить себе, что может заставить ее смириться с выбором Вуди.

Детектив-сержант из управления Западной Мерсии, с банданой на голове, имел наглость появиться на пороге ее отдела с сумкой на шее и пластиковым контейнером в руке.

– Привет! Я ваш новый сотрудник и принес вам домашние пирожные, – сообщил он.

Как и всегда, Брайант первым поборол шок и протянул руку, приветствуя Пенна. Потрясенная Стейси молча смотрела на него, а Ким только кивнула, предпочтя сохранить свои эмоции для начальства...

– Еще в январе он подал прошение о переводе в Западный Мидленд. Он воссоединился со своими родителями, так что...

– Он что, полный придурок? – спросила Стоун. – Однажды он уже просил перевести его из Западного Мидленда в Западную Мерсию, а теперь просится назад... И куда его понесет дальше? На юг, в Дербишир? И почему он вдруг воссоединился с родителями? – Она фыркнула. – Он ведь взрослый мужчина.

– Причины этого меня не касаются, так же как не должны касаться вас. В других отделениях места для него не нашлось...

– И я просто счастлива, что мы можем предоставить ему такое только из-за того, что потеряли...

– Стоун! – прогремел голос Вуди. – Я вовсе не это имел в виду, о чем вы прекрасно знаете.

Ким прекратила ходить и села. Босс прав, а она была несправедлива. Глупые слова, результат разочарования...

– Из этого ничего не получится, – честно призналась Стоун.

– Не понимаю, почему? Все вы его знаете. Пенн уже дважды помогал вам, и он отличный офицер.

С такой интерпретацией фактов Ким не могла не согласиться. Впервые она столкнулась с Пенном, когда помогала детективу-инспектору Тревису из управления Западной Мерсии расследовать серию преступлений на почве расовой ненависти[13 - См. роман А. Марсонс «Мертвые души»]. Тогда сержант помог выйти на группу, которая стояла за всем этим, что, в свою очередь, спасло жизнь Стейси. А совсем недавно его присылали помочь в расследовании дела о серийных убийствах проституток[14 - См. роман А. Марсонс «Черная кость»], и его способности к розыску необходимой информации в Сети оказались решающими в раскрытии преступления. Стейси и Доусон в тот момент занимались вопросом эксплуатации нелегальных иммигрантов.

Но временная помощь – это не замена на постоянной основе.

– Мы работаем на разных волнах, – сказала Стоун, пытаясь представить себе Пенна в качестве постоянного члена своей команды и в отчаянии отказываясь от этой попытки. – Слишком уж много здесь проблем, – добавила она, хмурясь.

– Объяснитесь.

– Понимаете, этот новый член команды автоматически занимает положение выше, чем Стейси. Он – сержант, она – констебль. А это несправедливо.

– Вы знаете мое отношение ко всему этому, Стоун. Вы сами должны подтолкнуть ее. Она должна начинать думать о дальнейшем продвижении по службе. Констебль к этому готова.

– Пытаетесь лягнуть меня побольнее?

– Вы сами знаете, что это не так.

– А потом, они слишком похожи, – Ким решила сменить тему. – Сейчас у Стейси появился опыт работы в поле, но в основном она непревзойденный аналитик. Пенн тоже.

– Ну что ж, простите меня за то, что я пытаюсь собрать в вашей команде лучших из возможных кандидатов. Кстати, все, что вы говорите, относится к вопросам управления людьми, а не к составу вашей команды, а это уже ваша проблема, а

не ваших сотрудников. И то, что их персоналии не совпадают с вашим местечковым видением команды, вовсе не значит, что Пенн не сможет выполнять свои обязанности.

– Не сможет, – упрямо повторила Ким.

Какое-то время Вуди смотрел на нее; потом его губы раздвинулись в улыбке.

– А кто сможет, Ким? – спросил он, назвав ее по имени второй раз с момента их знакомства.

Стоун мгновенно подумала о Доусоне, но в ответ только пожала плечами. Если честно, то ответа она не знала.

Казалось, они поняли друг друга.

Вуди положил подбородок на сплетенные пальцы рук.

– Ладно, попробуйте его в данном конкретном деле. У вас на руках труп, и вам понадобится любая помощь, которую вы сможете получить. Если ничего не получится, то я переведу его в другой отдел, а вам подберу кого-нибудь другого. Договорились?

Ким почувствовала, как ее медленно отпускает. Ей казалось, что босс загнал ее в угол, а сейчас он сделал шаг в сторону и освободил ей проход.

И этого было достаточно. Пока.

Стоун согласно кивнула.

– А теперь насчет тела, сэр, – начала она, возвращаясь к той мысли, которая появилась у нее в отделе.

– А сегодня чертовски прохладно, командир, – заметил Брайант, выезжая с парковки полицейского участка.

– Я же нормально с ним говорила, правда? – переспросила Ким.

– «Облаяла его» – это будет точнее.

– Я попросила его заняться отпечатком ботинка.

– Вообще-то, командир, это мало походило на просьбу, но с технической точки зрения, полагаю, ты права.

Ну что ж, «технической точки зрения» пока будет достаточно. По крайней мере до того, как она сможет смириться с его появлением. Ким вовсе не нравилось то, как она говорила с Пенном, но почему-то ей казалось, что абсолютно незнакомый человек на его месте был бы лучшим решением. Может быть, если она начнет думать о нем как о временном решении проблемы, то ей будет легче переносить его присутствие...

– Слушай, не бери в голову. Это все, что я могу тебе сказать, – заявила Ким.

На ветровое стекло упала пара капель дождя.

Брайант открыл было рот, но вновь закрыл его.

Ким наблюдала за тем, как капли все чаще разбиваются о ветровое стекло, а пешеходы стали доставать куртки, чтобы прикрыть слишком рано оголенные руки.

Она знала многих людей, для которых весна была лучшим временем года. Тепло, свет, возрождение природы, новые начинания... Сама же Ким весну ненавидела. Зимой вокруг так чисто... Холодные дни с хрустящим морозцем четко определяли текущее время года. А весной все было каким-то неопределенным. Ни зима, ни лето.

– Ну, и что еще ты сказала Вуди?

– Я попросила его попытаться выяснить, не замешаны ли Пики в убийстве Корделла.

Брайант громко рассмеялся.

Во время их последнего расследования череды смертей, случившихся в Хиткресте, стало очевидно, что какой-то крупный полицейский чин имеет отношение к этому тайному обществу.

– Ну и что, теперь Вуди позвонит прямо в Ллойд-Хаус, спросит напрямую, кто из них Пика, и обвинит в убийстве?

– Не совсем так, – ответила Ким, потирая голень.

– А тогда как, черт побери, он это выяснит? – спросил ее сержант.

– Да он и не будет ничего выяснять, – терпеливо объяснила ему Ким. – Ему просто надо будет позвонить старшему суперу[15 - От «суперинтендант» – звание старшего офицерского состава полиции, второе после комиссара.] Бриггсу и вскользь заметить, что мы изучаем и эту возможность.

– И?...

– И мы посмотрим, среагируют ли на это Пики.

– Ты что, хочешь поймать их на живца? – Брайант резко повернулся к ней.

– Можно сказать и так, – призналась Стоун. – Послушай, мы оба знаем, что если они в этом замешаны, то как-то прореагируют на то, что мы пытаемся связать их с убийством, а если нет, то оставят нас в покое.

– Когда ты говоришь «среагируют», что конкретно ты имеешь в виду?

Ким пожала плечами. Этого она не знала.

– Командир, а ты не рисуешь большую мишень на наших спинах?

– Возможно, – согласилась инспектор.

– Боже... – Брайант покачал головой.

Стоун улыбнулась и устроила ногу поудобнее.

– Послушай, тебе не было скучно без меня?

Глава 11

Босса не было всего десять минут, а Стейси уже потеряла счет всем тем моментам, когда Пенн успел вывести ее из себя.

Первой его ошибкой было то, что он вообще сел, второй – как небрежно он бросил свою сумку под стол, а последней каплей было то, что он посмел предложить ей самое странное на вид пирожное, какое ей приходилось видеть в жизни. Его Пенн извлек из своего контейнера, а потом еще и приготовил свежий кофе.

И вот теперь она вынуждена смотреть, как он сидит напротив нее в своих дурацких наушниках-переростках. Стейси с недоумением вспомнила, что никакая музыка в них не звучит. Это она выяснила еще в тот раз, когда сказала ему, что босс будет недовольна.

Он получил задание выяснить все об отпечатке ботинка, а сама она занялась записями с камер наружного наблюдения.

Пенн поправил наушники и начал что-то набирать на клавиатуре. На Стейси он больше не смотрел. Казалось, ему было абсолютно все равно, что для всех них он был нежеланным гостем. Или он этого просто не замечал.

– И что ты там пытаешься выяснить? – автоматически спросила констебль, прежде чем сообразила, что обращается к Пенну.

Тот, не прекращая печатать, пожал плечами.

– Да так, кое-что.

– Сплошные тайны, – с сарказмом заметила Стейси.

Пенн прекратил печатать и посмотрел ей прямо в глаза.

– Я ведь мог бы спросить, почему ты каждые несколько минут смотришь на свою сумку и даже не замечаешь этого. Но я не спрошу.

Девушка нахмурилась. Он был прав – фото занимало все ее мысли, но она ведь не смотрела на него постоянно. Или смотрела? Теперь, когда он об этом заговорил, перед мысленным взором Стейси появилось лицо девочки, с осуждением смотрящее на нее.

Именно Стейси накануне, в Седжли, приняла заявку от озабоченных родителей, сообщивших о пропаже девочки-подростка. И именно она начала отсматривать данные с камер наружного наблюдения в том месте, где девочку видели в последний раз. И именно ей рассказали о том, что девочка уже дважды убегала из дома и благополучно возвращалась, когда Стейси удивилась отсутствию реакции или заинтересованности со стороны полиции. А еще она, накануне возвращения в свою команду, сама поинтересовалась, кто будет вести это дело. Сержант пожал плечами, и это заставило констебля засомневаться, что дело вообще откроют. Все решили, что Джессика Райан вернется, когда нагуляется.

В самый последний момент Стейси схватила копию ее фото и засунула в сумку...

– Да это так, ерунда, – коротко ответила она Пенну.

– Ну а я связался со всеми производителями обуви, прежде чем обращаться в НСКО. – Он пожал плечами. – Так что, если хочешь, я могу заняться записями...

– Сама справлюсь, спасибо, – резко ответила Стейси в надежде, что Пенн навечно погрязнет в Национальной справочной коллекции обуви. Он может долго бродить по строке поиска, прежде чем найдет нужную подошву, а заодно и прекратит донимать ее.

Чей-то негромкий голосок напомнил ей, какую роль сыграл Пенн в ее недавнем освобождении. Что именно он расшифровал записку, в которой не хватало половины буквы, после чего команда нашла ее в лапах группы презренных уродов-расистов. И тогда она была ему благодарна. Но это было до того, как он появился, чтобы занять место ее друга...

Пенн вернулся к своему компьютеру, а Стейси сосредоточилась на своем.

Она все прекрасно понимает. Сначала он предложит свою помощь, а потом заявит, что один выполнил всю работу, и выслужится перед боссом.

Только через ее труп.

Глава 12

– Доброе утро, инспектор. Как вы себя сегодня чувствуете? – весело спросил Китс.

– Меня терзают смутные подозрения, – призналась Ким. Ей показалось, что он рад ее видеть.

– Ну что ж, я тут пообщался со своим приятелем, – сказал патологоанатом, указывая на простыню, которая почти не скрывала обширное брюхо Гордона Корделла. – И оказалось, что у него есть что сказать.

Теперь Ким поняла, откуда взялось его радостное настроение. Это напомнило ей те моменты в жизни, когда во время допроса преступник делал добровольное признание, или когда ей удавалось обнаружить улику, от которой в животе становилось теплее. Совершенно очевидно, что Китс обнаружил что-то важное.

Стоун никогда не могла войти в морг, не вспомнив свое первое в жизни вскрытие, которое тоже проводил Китс, а за ней самой внимательно наблюдал ее старший офицер. Тогда она понимала, что это какая-то инициация или проверка со стороны ее руководителя, и именно поэтому для ее первого вскрытия он выбрал труп пожилого мужчины, которого нашли в его

однокомнатной квартире на шестом этаже на десятый день после наступления смерти. И Ким очень старалась ничем не проявить себя, когда патологоанатом сделал на трупе Y-образный надрез, шедший от плеч к груди и потом дальше, до самого лобка. Ким наблюдала, не отводя взгляда, как Китс с помощью пилы отделил ребра и извлек грудинную кость. И даже придвинулась поближе, чтобы получше рассмотреть сердце, легкие и сосуды в грудной клетке, а потом следила, как Китс извлекает эти органы, взвешивает их и берет образцы ткани. Вонь от вскрытого желудка, содержимое которого он изучал, наполнила рот Ким желчью, а сбор глазной жидкости чуть было не оказался последней каплей, но, сглотнув несколько раз, она смогла подавить тошноту. К тому времени, когда Китс сделал еще один разрез, который шел от уха до уха по черепу умершего, и стянул с него скальп, Стоун уже заставила себя думать о трупе не как о теле умершего человека, а как о наборе важных уликах. В конце вскрытия она обратилась к своему сержанту и Китсу и поблагодарила их за науку, но предупредила, что надеется в следующий раз увидеть нечто более впечатляющее. Ее босс выглядел вполне удовлетворенным, а патологоанатом постарался спрятать улыбку.

И ни один из них так и не узнал, что потом ее еще много недель мучили ночные кошмары...

– Хватит прикалываться, Китс, – сказала Ким. – Переходите к делу.

– А какая мне от этого радость? – Голос Китса звучал почти кокетливо.

– Послушайте, моему терпению сейчас придет конец, – заметила инспектор.

– Значит, день прошел не зря... – Патологоанатом рассмеялся и взял свой планшет. – Я могу подтвердить, что за последние пять лет наша жертва ни разу не пыталась изменить свой образ жизни. Артерии забиты жиром из-за отсутствия физических упражнений. В доказательство могу привести его последнее меню: сосиски, яйца и хлеб с маслом и жареной картошкой.

– И сколько же кусочков хлеба он съел? – съехидничал Брайант.

– Два, – не задумываясь, ответил Китс.

Ким покачала головой. Мало кто из людей может понять такой черный юмор, без которого им было бы трудно выживать в их нелегких профессиях.

– Остальные органы находятся в сравнительно неплохом состоянии. Он не пил и не курил.

– Рада слышать, – заметила инспектор.

– Судьба благосклонна к тем, кто умеет сдерживать свое нетерпение, инспектор.

– Китс... – В голосе Ким послышалась угроза.

– Я насчитал на теле двадцать шесть ножевых ран, нанесенных лезвием приблизительно пяти дюймов[16 - Около 13 см.] в длину. Удивительно, но главные органы при этом не пострадали, хотя к тому времени он и был уже мертв. Жировая прослойка сделала свое дело.

Ким показалось странным, что, если б не перерезанное горло, то, что убивало Корделла в жизни, вполне могло спасти ему ее. Жир угрожал его сердцу и в то же время защищал другие органы.

– А раны, полученные при защите? – спросила Стоун.

– Он не защищался, но вы уже сами заметили рану на затылке. В костях черепа застряли два осколка стекла – я их извлек и сфотографировал.

Пока он не рассказал ничего, что Ким не видела бы ночью своими глазами.

– Ну а теперь, инспектор, ваше терпение будет вознаграждено, – произнес патологоанатом, беря в руки круглый пластиковый контейнер для биологических образцов.

– И что это такое? – Брайант взглянул через плечо Ким. – Похоже на сгусток крови.

– М-м-м-м... я не совсем уверен, сержант, что знаю, что вы подразумеваете под сгустком крови, – Китс нахмурился, – но да, это свернувшаяся кровь. Однако не

только она. – С этими словами он поместил контейнер под микроскоп.

Ким взглянула в окуляр и увидела тоненькие волокна, точащие из образца.

– Это частицы волокон, – гордо заявил Китс. – Не могу сказать каких, до тех пор пока не отмою их, но они присутствовали в ране на шее.

– Синего цвета? – Ким взглянула еще раз.

– И это практически все, что я сейчас готов вам о них рассказать. – Патологоанатом, кивнув, посмотрел в сторону двери. – А вот и звезда нашего сегодняшнего шоу.

– Привет, Митч, – поздоровалась Ким с экспертом, вошедшим в помещение, держа в руках пластиковый пакет для вещественных доказательств.

– У нас есть волос, – торжественно произнес он, поднося пакет к свету.

– Только не надо устраивать из всего этого триллер, Митч, – проворчала Ким.

На бородатой физиономии эксперта появилась улыбка.

– Прости, я вовсе не хочу ничего драматизировать, но находка действительно важна, и я сейчас объясню почему. Волос состоит из трех слоев кератина: внутреннего, среднего, который составляет бо2льшую часть волоса и содержит красящее вещество – рассматривая волос под микроскопом, именно в этом слое мы ищем вкрапления воздуха и особенности структуры, по которым определяем идентичность волос, – и кутикулы, внешнего слоя, который покрывает волос и напоминает под увеличением рыбью чешую или черепицу на крыше. Для определения человеческих волос и для их сравнения используются различные шкалы. Помимо этого, есть еще такая штука, как медулла, которая не обязательно присутствует во всех волосах, но когда она есть, то превращается в сердцевину волоса, в которой концентрируются все клетки.

– Ну а дальше-то что? – задала вопрос Ким, которой надоел этот ликбез.

– Как вы знаете, из волоса можно выделить ДНК. Но в отдельно взятом волосе клеток не найдешь, так как они сконцентрированы в его корне, и даже при полимеразной цепной реакции...

– Митч, а дальше что? – настойчиво повторила свой вопрос Ким. Она вовсе не нуждалась в том, чтобы ей объяснили процесс выделения ДНК. И если это только не абсолютно необходимо, то она вполне может обойтись без деталей.

– Я не могу выделить ДНК, – признался эксперт.

Черт, именно это она и ожидала услышать.

– Но если у вас будет подозреваемый и вы предоставите мне его локон, то я смогу определить идентичность.

Ну наконец-то хоть одна хорошая новость.

– Но... – продолжил эксперт, пожимая плечами.

– Знаю. Любой мало-мальски приличный адвокат оспорит то, как этот волос попал на жертву.

– Для того чтобы получить ДНК, мы обычно используем клетки, которые получаем из соскобов с внутренней стороны щек, – Митч кивнул. – Совершить преступление и не оставить ДНК практически невозможно. Весь вопрос в том, как ее обнаружить. Те преступники, что поумнее, вообще не пытаются скрыть преступление. Они не двигают тело и не отрезают жертве голову, потому что все это повышает шанс оставить следы. Эти люди просто стараются скрыть любую связь с жертвой. А ведь достаточно одного короткого похода в магазин – и вы превращаетесь в ходячую фабрику по производству улик. Взять, например, вас с Брайантом. – Тут Митч посмотрел на них. – Каждый день вы по многу часов проводите в компании друг друга. И обмениваетесь таким количеством...

Ким зарычала.

– Поверьте, командир, – вмешался в разговор Брайант, – мне это так же противно слышать, как и вам.

Китс хихикнул.

– Ладно, с меня достаточно, – с этими словами Стоун отошла от стола. – Всего вам хорошего, ребята. – Она быстро вышла из помещения.

– Аллилуйя, – сказал Брайант, догоняя ее. – Рад видеть, командир, что твои ноги стали так же быстры, как и твои мысли. Ну и что мы здесь выяснили?

– То, что опытный убийца не станет перемещать свою жертву.

– И, как мне кажется, мы сами давно это знаем, – заметил сержант.

– Мы знаем, что нашу жертву ударили чем-то стеклянным, хотя в парке, на месте преступления, никаких следов стекла не нашли. Так что нападение произошло где-то в другом месте. Значит, у нас есть два места преступления и два места, где можно было оставить улики.

– И?...

– Кроме того, мы выяснили, что опытные убийцы оставляют трупы там, где ДНК практически невозможно выделить, – в торговых центрах, на железнодорожных станциях, – то есть там, где количество разных ДНК не позволяет выделить одно-единственное необходимое. А этого парня убили в парке. И у нас есть обрывки волокон, волос и след обуви... – Ким почувствовала надежду, словно Рождество было уже не за горами.

– Что ты хочешь этим сказать? – поинтересовался сержант.

– Все это ошибки новичка, Брайант. И я хочу сказать, что наш парень убил впервые в жизни.

Глава 13

Дом Корделлов в Хартлбери удивил Ким.

Он был переделан из здания фермы, L-образного строения со стенами из грубо обработанного серого камня. Деревянное крыльцо было украшено цветами, которые вот-вот должны были зацвести. По фронтому вился красный плющ.

Ким же ожидала увидеть что-то более экстравагантное, более вычурное – нечто статусное, что говорило бы о богатстве хозяина и месте, которое он занимает в жизни. Она ждала мрамор, пилястры, может быть, вход с колоннами, но этот дом, смотрящий окнами на природу Вустершира, успокаивал и завораживал, меняя образ Корделла, сложившийся у нее в голове.

Морщины на лбу Брайанта свидетельствовали, что он думает о том же.

– Совсем не подходит, правда? – спросил сержант.

Ким, покачивая головой, постучала в дверь фермы. На галечной подъездной дороге стояла всего одна машина.

Дверь открыла симпатичная, по мнению Стоун, женщина. Темные, с сильной проседью, волосы были коротко подстрижены и аккуратно причесаны. Она была на пару дюймов[17 - Около 5 см.] выше инспектора, чей рост составлял пять футов девять дюймов[18 - Около 180 см.].

«Вместе они, должно быть, представляли собой внушительную пару», – подумала инспектор.

Ким показала свое удостоверение и представилась.

– Полагаю, к вам уже послали офицера по связям с семьей, – сказала она, когда женщина сделала шаг в сторону, давая им пройти. Детектив догадалась, что одинокая машина принадлежит миссис Корделл.

– Я отослала ее, инспектор, – пояснила женщина. – Я в состоянии сама приготовить себе чай и не хочу, чтобы в моем доме находились посторонние. У сыновей своя жизнь, – добавила она так, будто ничего больше ей не было нужно.

Вслед за ней Ким прошла в гостиную, небольшую, но не загроможденную. Главным в ней был сложенный из кирпичей камин, по бокам которого располагались встроенные полки с книгами. Из окон, на которых не было штор, открывался вид на разноцветные поля. Мягкие диваны были украшены разбросанными по ним подушками. Здесь же имелся укромный уголок, стены которого были завешаны полками с книгами и в котором стояли кресло, стол и лампа.

– У вас очаровательный дом, миссис Корделл, – заметила Ким, усаживаясь.

Хозяйка, садясь, провела руками по ногам, как будто разглаживала юбку. Она кивнула в знак того, что услышала слова Ким.

– Мы хотели бы прежде всего принести вам свои соболезнования по поводу вашей утраты, – начал Брайант, устраиваясь рядом с Ким.

И опять молчаливый кивок. Женщина сидела, выпрямив спину, скрестив ноги и сложив руки на коленях.

– Миссис Корделл, если вы не возражаете, сейчас сюда прибудет группа экспертов.

– Конечно, – женщина снова кивнула. – Правда, я не понимаю, что они смогут здесь найти. Мой муж не появлялся в доме вот уже несколько недель.

– Ах вот как, – сказала Ким, не понимая причин его отсутствия.

Лицо женщины изменилось, словно ей в голову пришла какая-то мысль.

– А ведь вы тот самый детектив. Который расследовал дело в Хиткресте. И выяснил, что мой муж...

– Да, это я, – призналась Стоун, все еще жалея, что они так и не смогли предъявить Корделлу обвинения. Хотя сейчас это было уже неважно.

– Ну да. Именно в тот день я вышвырнула его за порог.

– Миссис Корделл, я вовсе не хотела...

– Потому что я знала, что вы правы. Знала, что это его рук дело. – Женщина встала. – Я хочу закурить, а так как в доме не курят, то вам придется выйти вместе со мной.

Ким встала и пошла за ней, размышляя на ходу, понимает ли она, что ее муж умер. По шкале Рихтера[19 - В данном случае автор сравнивает потрясение от смерти близкого человека с землетрясением.] никаких признаков инспектор не заметила.

Они прошли через кухню-столовую, декорированную деревом и плиткой. Миссис Корделл достала пачку сигарет. Ким никогда не подумала бы, что эта женщина курит.

– Я не курила двадцать шесть лет, офицер, но, мне кажется, сейчас обстоятельства этого требуют, – пояснила Лилит Корделл, будто прочитав ее мысли.

«Первая демонстрация хоть каких-то эмоций», – подумала Стоун, когда они прошли через французские двери и оказались в ухоженном саду, уютном и скромном одновременно, со скамейками, расположенными в тех местах, откуда открывался наилучший вид.

Хозяйка закурила, глубоко затянулась и выдохнула дым.

Брайант с тоской посмотрел на сигарету. Его собственное четырехлетнее воздержание в недалеком прошлом подверглось серьезным испытаниям, но он выдержал.

– То есть вы верите в то, что он делал незаконные аборты? – спросила Ким, продолжая начатый разговор.

– Да. Я знала об этом еще до того, как задала ему вопрос в лоб. Я всегда знала, когда Гордон мне лжет. В таких случаях он становился слишком многословен. И я его выгнала. Я ощутила физическое отвращение. Особенно... – Тут женщина замолчала и стала смотреть прямо перед собой.

– Особенно? – повторила Ким.

– Понимаете, офицер, у меня было два выкидыша. Две девочки. Так что я в принципе против аборт, не говоря уже о подпольных.

Ким поняла, что мысли об этом заставляли ее вспомнить своих собственных дочерей, которым так и не суждено было родиться.

– И это был конец вашей супружеской жизни? – уточнил Брайант.

– Нет, – Лилит покачала головой. – Это был последний гвоздь в гроб нашего супружества. И я не собиралась сдаваться. Мне кажется, поначалу Гордон считал, что все пройдет и что я позволю ему вернуться, как делала это уже много раз, и только два дня назад он, кажется, наконец понял, насколько я серьезна. Его реакция была вполне предсказуема – он пригрозил отобрать у меня дом.

Ким никогда не была слишком высокого мнения об убитом, но сейчас у нее перед глазами появился образ испорченного, вздорного ребенка.

– А он мог это сделать?

– Возможно. Если б не стал слушать сыновей. Мой младший, Люк, собирался поговорить с ним. – Женщина огляделась вокруг. – А ведь я могла все это потерять.

«Теперь этого не случится», – поняла Ким.

– Миссис Корделл, вы понимаете, что смерть вашего мужа была жестокой? Кто-то ненавидел его так сильно, что практически располосовал ему горло. Вы не знаете, кто мог это сделать?

– Наверное, любой из тех, с кем он встречался, – и меня это не удивляет. Черт, даже я в последние недели хотела...

– Ма!.. Ма... – раздалось из дома.

Лилит Корделл затушила сигарету и бросилась внутрь, прямо в объятия одного из своих сыновей.

– Люк, это все ужасно. Твоего отца...

– Даже не думай об этом, Ма, – успокоил ее юноша, крепко сжимая в объятиях. – Я уже здесь. И мы вместе переживем это.

Ким осталась на улице – ей было неловко присутствовать при их встрече после того, как они слышали об убийстве.

Это было первое проявление эмоций, которое увидела Ким, но когда мать и сын разомкнули объятия, глаза у обоих оставались сухими.

Наконец Люк заметил присутствие в доме незнакомых людей. Видимо, память у него была лучше, чем у матери.

– Так вы что, расследуете убийство моего отца? – спросил он в недоумении. Его симпатичное лицо как будто окаменело.

– Да, мистер Корделл. Меня зовут...

– Я знаю, как вас зовут, и знаю, что вы хотели с ним сделать. Это ни для кого не секрет.

Ким с вызовом смотрела ему прямо в глаза. Несмотря на то что тело его отца лежит сейчас в морге, она не собирается извиняться за то, что выполняла свою работу. Закон нарушал Корделл, а не она.

– Вы что, единственный офицер полиции в Западном Мидленде? – спросил молодой человек с такой агрессией в голосе, что Брайанту пришлось сделать шаг вперед, а его матери – прошептать его имя.

Ким не нуждалась ни в чьей защите и сделала шаг навстречу этой зашкаливающей ненависти.

– Сейчас я единственная, кто должен вас интересовать, – твердо ответила она, – потому что именно я найду того, кто сделал это с вашим отцом.

Стоун не была уверена, что юноша ждал именно такого ответа, но эти слова его успокоили, и она смогла повернуться к его матери.

– Миссис Корделл, эксперты скоро подъедут, но если вам пришло в голову что-то, что могло бы нам помочь...

– Я скажу, что может вам помочь, – ответила миссис Корделл, опять доставая сигареты. – Пусть ваши специалисты обыщут его однокомнатную квартиру в Дадли. Особенно спальню. Они получат истинное наслаждение.

Глава 14

Стейси вышла из такси перед двухквартирным домом из красного кирпича с небольшим, похожим на коробку, крыльцом.

Она не сильно наврала Пенну, сказав, что едет в Седжли проверять камеры наружного наблюдения. Правда, можно было сделать запрос и получить доступ к этим камерам, не выходя из офиса, но центр управления этими камерами расположен в тыльной части полицейского участка Седжли. А цель ее поездки находилась совсем рядом.

Слегка кивнув, сержант подтвердил, что услышал ее, но Стейси было на это наплевать. Ей отчаянно хотелось оказаться от него подальше. Он был чужаком, вторгшимся в ее мир. Похожим на инородный предмет в доме или на муху, залетевшую в ее диетическую колу. Постоянным раздражителем, от которого невозможно спрятаться.

Констебль поправила сумку на плече и подошла к двери, испытывая непонятное чувство вины. Ей же в самом начале поручили это дело, поэтому тут нет ничего плохого. И вообще, все они работают в полиции Западного Мидленда, так что можно не вспоминать о том, что дело ей пришлось вернуть, а ее босс занимается сейчас расследованием жестокого убийства...

Первое определение, пришедшее ей в голову, когда она увидела женщину, открывшую ей дверь, было «опрятная». Изящная фигура, прямые джинсы, джемпер с V-образным вырезом. На груди тонкая цепочка; вместе с часами это единственные драгоценности на женщине.

– Миссис Райан, могу я войти? – спросила Стейси, показывая свое удостоверение, несмотря на то что накануне они уже встречались в Седжли.

– Вы что, нашли ее? – ответила женщина вопросом на вопрос. По-видимому, девочка все еще не вернулась.

Стейси отрицательно покачала головой.

Женщина как будто сдулась прямо у нее на глазах.

Стейси прошла вслед за ней на просторную кухню-столовую, в которой сильно воняло отбеливателем. Она с трудом сдержала кашель.

– Она отсутствует уже больше двадцати четырех часов. Не понимаю, почему вы всё еще не нашли ее. Сколько человек ее сейчас ищут?

На этот вопрос Стейси не могла ответить, так как не имела на это права. Ведь, отвечая, она должна была бы начать с того, что Джесси – уже третья пятнадцатилетняя девочка, пропавшая в Седжли за неделю, так что у полиции попросту не хватает людей, а кроме того, две другие девочки сами вернулись домой после сорокавосьмичасового отсутствия. Все ждали, что то же самое произойдет и с Джесси Райан, которой через несколько дней должно было исполниться шестнадцать. Стейси не могла сказать матери пропавшей, что дело посчитали неприоритетным, тем более что никаких признаков совершенного преступления не было. Не могла она сказать и о том, что благополучное возвращение домой двух других девочек никак не подогрело интереса к пропаже Джесси. Да и о том, что она больше не занимается этим делом, Стейси тоже стоило промолчать.

– Миссис Райан, не могли бы вы еще раз рассказать, что произошло?

– Но я же все рассказала вчера. Не понимаю, что еще я могу вам сообщить.

Кивнув, Стейси достала свой блокнот.

– Я понимаю, насколько это может разочаровать вас, но мы обычно еще раз перепроверяем всю информацию, дабы убедиться, что вы не упустили ни одной, даже самой мелкой, детали. Это один из этапов расследования. Обещаю, что не займу у вас много времени.

– Прошу вас, присаживайтесь, – миссис Райан указала на стул за круглым столом.

Стейси села, положив сумку на пол.

– Так я вас слушаю, миссис Райан. – У констебля было такое ощущение, что ей только что удалось увернуться от летящей в нее пули.

– После ланча Джесси спросила, может ли она на вечер уйти к Эмме. Я разрешила, но Филипп хотел, чтобы она сначала убрала свою комнату. В семь Джесси появилась уже одетая в пальто. Комнату она так и не убрала, так что возник небольшой скандал...

– Между Джесси и ее отцом? – уточнила Стейси. Она не помнила, чтобы об этом шла речь накануне.

– Филипп ей не отец, – напомнила ей миссис Райан. – Хотя его вполне можно так называть. Он с ней с шести лет.

Стейси ухватила за эту новую информацию.

– И насколько серьезным был этот скандал? – поинтересовалась она.

– Да так, ерунда. Просто поговорили на повышенных тонах. Они иногда ссорятся, но в конце концов все заканчивается миром.

– Такое часто случается, миссис Райан?

Это могло объяснить исчезновение Джесси, если девочке понадобилось время, чтобы успокоиться.

– Иногда, – призналась мать. – Они так похожи, хотя генетически никак не связаны друг с другом... У обоих взрывной характер.

– А до физических разборок дело никогда не доходило? – была вынуждена спросить Стейси.

– Что вы имеете в виду? – Миссис Райан покраснела.

Значит, доходило.

– Это вы мне расскажите... – не сдавалась Стейси.

– Вы о рукоприкладстве?... Ну да, когда-то Джесси получила пощечину, но это было очень давно. Иногда она бывает просто невыносима.

Стейси постаралась ничем не выдать своего осуждения.

– А вообще он хороший человек, – добавила женщина, словно молчание Стейси заставило ее высказать свое суждение.

Стейси подумала, что если б у нее был ребенок и кто-то, мужчина ли, женщина ли, посмел поднять на него руку, она вышвырнула бы его из дома в ту же секунду.

– Миссис Райан, давайте начистоту. Раньше Джесси тоже исчезала после ссор, подобных той, что случилась в воскресенье?

Поколебавшись, миссис Райан утвердительно кивнула.

Получалось, что эта парочка многое опустила, когда она принимала от них заявление.

– Что было потом? – спросила констебль.

– Джесси в бешенстве убежала из дому, а Филипп отправился в бар выпить пива и успокоиться. Вернулся он около девяти; Джесси должна была вернуться в

десять.

– Вы пытались звонить ей?

– И все время натыкалась на голосовую почту.

– И когда вы вчера в десять часов утра пришли в участок, девочки не было дома уже около двенадцати часов? – уточнила Стейси.

После того как она накануне приняла заявление от миссис Райан и до того, как ее вернули обратно в Хейлсовен, Стейси смогла лишь проверить аккаунты Джесси в социальных сетях.

– Да, какое-то время мы выжидали, поскольку думали, что она перевозбудилась и должна остыть после ссоры с отчимом. Все это время мы обзванивали ее друзей.

– И что вам сказала ее подруга Эмма?

– Что Джесси, как всегда, ушла от нее без четверти десять. Она живет совсем недалеко.

Стейси не имела права оценивать воспитательные методы миссис Райан. Сейчас ее волновала только безопасность Джесси.

– Но, мне кажется, эта девочка знает больше, чем говорит, – добавила мать Джесси.

– Это вы про Эмму Уэстон?

– Да. Они знают друг друга с начальной школы, а в последние годы стали лучшими подругами. По мне, так Эмма плохо влияла на дочь, но та ничего не хотела слышать.

– Плохо влияла? – переспросила Стейси.

– Честно говоря, – миссис Райан кивнула, – Джесси сильно изменилась с тех пор, как они стали много времени проводить вместе. Огрызалась, вела себя нагло, особенно с Филиппом...

– А мальчик у нее есть? – поинтересовалась констебль.

– Нет, для этого Джесси еще слишком мала, – женщина покачала головой.

«Да, лет сто назад это было бы правдой», – подумала про себя Стейси. Она сделала пометку в блокноте, чтобы не забыть спросить об этом Эмму. В понимании Стейси существовала громадная разница между девочкой, которой исполнилось пятнадцать, и той, кому вот-вот исполнится шестнадцать. Так что если у Джесси нет и никогда не было мальчика, она бы очень удивилась. Хотя, судя по всему, мать Джесси еще сильнее удивилась бы его наличию.

– А что ее отец? – сменила тему Стейси.

– Ее отец – Филипп...

– Я о ее биологическом отце, – пояснила констебль, хотя миссис Райан прекрасно поняла ее. – Джесси с ним встречается?

– Нет. Никогда! – с яростью ответила мать.

– Вы в этом уверены?

– Она его просто не знает, офицер. Он бросил нас, когда ей было четыре годика. Отцовство его совершенно не интересовало. То есть все шло расчудесно, когда девочка была здорова, но при первых же симптомах болезни его заносило... Так что, как я уже сказала, ее отец – Филипп.

Стейси вовсе не хотелось настаивать, но она должна была исключить присутствие биологического отца.

– А вы не могли бы дать мне его адрес, прежде чем я пойду? – попросила она.

– Конечно, но встреча с ним вам ничего не даст. Он, возможно, даже не помнит, что у него есть дочь.

Женщина взяла карандаш и бумагу из кухонного стола, а Стейси решила не обращать внимания на горечь, прозвучавшую в ее тоне.

– Ладно, миссис Райан. Благодарю вас за то, что уделили мне время. Если будут какие-то новости, позвоните мне. – Стейси взяла в руки листок бумаги.

– Надеюсь, что вы скоро найдете ее, офицер... – Миссис Райан схватила ее за руку. Голос у нее дрожал, и она была на грани слез. – Не знаю, как долго я продержусь, прежде чем сойду с ума.

Она взглянула в угол кухни. Стейси проследила за ее взглядом и увидела целую коллекцию коробок и бутылочек с пилюлями.

– Это все лекарства Джесси? – Констебль удивилась, что женщина вчера ни словом не обмолвилась о лекарствах. Она осторожно высвободила свою руку.

– Именно поэтому я так волнуюсь, офицер. – Миссис Райан промокнула глаза и кивнула. – Я знаю, что ей уже почти шестнадцать, но она, в сущности, все еще моя маленькая девочка. Не могу ни есть, ни спать... Я просто...

– Миссис Райан, здоровье вашей дочери под угрозой? – прямо спросила Стейси.

Эта информация могла полностью изменить отношение к Джесси как к простой беглянке.

На этот раз слезы потекли по щекам матери.

– Именно так, офицер. Без лекарств моя девочка вполне может умереть.

– Итак, что же такого мы можем найти здесь, по мнению великой и ужасной миссис Корделл? – Брайант припарковался возле дома в Дадли.

Это было уродливое многоквартирное здание, построенное лет двадцать назад на самом краю жилого массива «Ренс Нест». Как поняла Ким, в доме находились как частные квартиры, так и квартиры, принадлежавшие ЖСК.

– Скорее всего, какие-то физиологические жидкости, – ответила детектив.

– Очень мило, – хмыкнул сержант, ожидая, пока появится домовладелец, чтобы открыть им подъезд.

– И она никакая не ужасная, – Ким попыталась защитить миссис Корделл. – Просто не все с радостью демонстрируют свои эмоции. Ты же знаешь, что попадаются и достаточно закрытые люди.

– Да знаю я, – с намеком произнес Брайант.

В этот момент к ним подошел мужчина с позвякивающей связкой ключей. Он был моложе, чем ожидала Ким; на нем были джинсы и грязная футболка.

– Отец просил узнать, когда мы получим квартиру назад, – спросил он вместо приветствия.

– Не раньше, чем мы всё там закончим, – Ким тоже не стала здороваться.

Они молча проследовали вслед за ним по лестнице. Молодой человек открыл дверь и отступил в сторону.

– Я буду внизу. Дайте знать, когда...

– Эксперты уже выехали. Вы не могли бы подождать их у подъезда, мистер...

– Доддс, – представился юноша и покачал головой. – Отцу это не понравится.

– Тогда ему придется прийти сюда лично и заявить нам об этом, – пожала плечами инспектор, входя в квартиру.

В первый момент ей показалось, что домовладелец уже успел здесь побывать и все убрал, но потом она поняла, что в квартире просто очень мало мебели.

Миссис Корделл успела рассказать, что раньше ее супруг пользовался квартирой всего несколько раз в месяц, когда консультировал, по совместительству, в больнице Рассел-Холл. Тогда он говорил ей, что очень устает и все такое, хотя дом в Хартлбери находился всего в пятнадцати милях, или около того, от больницы.

Несмотря на то что квартирой он владел не менее шести лет, в ней не было практически никаких следов проживания и было понятно, что миссис Корделл никогда в ней не бывала.

Диван и кресло стояли лицом к телевизору, расположившемуся в углу. Никаких ковров или украшений. Даже газет или журналов нигде не было видно. А ведь мужчина жил здесь уже больше месяца после того, как жена выгнала его из дома...

Кухонная стойка отделяла гостиную от кухни, уютной и прибранной, за исключением нескольких тарелок, стоявших в сушилке.

Ким открыла единственную дверь, ведущую из жилого помещения, и остановилась как вкопанная.

– Брайант, – позвала она.

Сержант подошел к ней.

– Чтоб тебя, – вырвалось у него.

Прикроватная тумбочка была сдвинута с места, лампа лежала на полу. Смятое стеганое покрывало свисало с правой стороны кровати. На нем было несколько пятен крови. Кроме того, небольшая темная лужица натекла на ковер.

Чемодан валялся на полу, а столик, на котором он, очевидно, стоял, был сломан. Сразу за кроватью, среди осколков стекла, лицом вниз, валялась рамка для фотографий. Дверь шкафа была распахнута, но одежда висела нетронутой. В углу шкафа были свалены грязные брюки и пара сорочек.

– Инспектор, – Ким услышала, как кто-то зовет ее из прихожей.

Она повернулась.

– Не ожидала тебя увидеть, Митч.

– Решил, что здесь больше шансов найти что-нибудь интересное. И, судя по твоему лицу, я не ошибся.

– Посмотри сюда, – Ким кивнула в сторону спальни.

Он вошел и встал рядом с ней. Сзади подошли двое его подчиненных.

– Я послал пару ребят в Хартлбери, чтобы они там всё осмотрели, но, пожалуй, все, что может тебя заинтересовать, находится здесь... – Митч внимательно осматривал разгром в спальне.

Ким согласно кивнула.

– Дай мне несколько минут, а потом можешь войти. – Эксперт достал из чемоданчика защитный комбинезон.

Стоун отошла в сторону и вернулась в гостиную.

– А, вот ты где, – сказала она, заметив сумку для компьютера, которую загоразживало кресло. Ким знала, что у Корделла должен быть лэптоп. Один из экспертов кивком подтвердил, что видит его.

Брайант обошел комнату с другой стороны, и они встретились возле дивана.

– Спартанская обстановочка, – заметил он. – И ни намека на синий ковер.

Ким сама заметила, что единственный ковер в квартире был кремового цвета, так что волокна, найденные Китсом, к нему совершенно не подходили.

– Он явно ждал, что вот-вот вернется в дом, – заметила инспектор. – Не забудьте про простыни, – указала она одному из экспертов, достававшему пакеты для вещественных доказательств.

– Ты что, думаешь, что он здесь с кем-то спал? – уточнил Брайант.

– Это его жена так думает. А она производит впечатление женщины проницательной. Секс – распространенный мотив для убийства... – Ким посмотрела на дверь, как будто ей в голову пришла внезапная мысль. – Как он сюда вошел? – На двери не было никаких следов взлома. Для того чтобы они смогли войти, сын домовладельца сам отпер дверь. – Неужели Корделл или напавший на него, уходя, стали бы тратить время на то, чтобы запереть дверь? – Она была явно озадачена.

– Он мог сам впустить убийцу, – предположил Брайант. – Это мог быть кто-то, кого он знал, но я понимаю, что ты имеешь в виду, говоря о запирании двери после всего, что здесь произошло.

– Можно войти, инспектор. – Митч вручил ей и Брайанту синие бахилы. Ким надела их, прежде чем войти в спальню.

– Все равно, кто бы это ни был, для чего было приглашать его в спальню? – размышляла она вслух.

– А может быть, он уже был здесь? – предположил сержант, открывая дверь в ванную комнату.

С точки зрения расположения предметов в спальне в этом был какой-то смысл. Лужа крови и то, как лежит чемодан, указывали на то, что Корделл располагался спиной к ванной, так что убийца вполне мог прятаться именно там.

– А как он туда попал? – повторила свой вопрос Ким. Квартира находилась на третьем этаже, и все замки были целы.

В ответ Брайант пожал плечами.

– Минуточку, – сказала Стоун Митчу, который небрежно засунул золотого цвета рамку для фото в пакет.

Тот поднял ее так, что она смогла увидеть кровь на верхнем левом углу.

– Нет, поверни ее, – попросила инспектор.

Митч повиновался.

Ким взглянула на своего коллегу и приподняла одну бровь.

– Послушай, Брайант, а зачем было забирать фото?

Глава 16

Корделл, жирный самонадеянный сукин сын, – мне даже присниться не могло, что ты окажешься таким идиотом.

Так легко было достать дубликат ключа и войти в твою квартиру, расположиться в ней и ждать...

А ведь удар этой рамкой мог быть гораздо сильнее. Ярость в сердце передалась рукам, и они были готовы одним ударом вышибить мозги из твоей башки. Всего одним. И все было бы кончено. Но моя выдержка, к моему удивлению, оказалась выше всяких похвал. А ведь ты был передо мной абсолютно беззащитен. Но мое воображение рисовало совсем другую картину. Твоя смерть должна была наступить не от единственного удара сзади, при котором ты так и не понял бы, что натворил, какую боль успел причинить, твою мать!

Мне было важно, чтобы ты увидел мое лицо. Чтобы ты постиг и осознал.

Первый удар был только началом, чтобы дать тебе ощущение того, с чем ты столкнулся.

Ты наигранно стонал и извивался, хотя это была всего лишь царапина. А когда смог перевернуть свое жирное тело на спину, ты увидел меня, узнал – и до тебя наконец дошло.

Моя нога стояла у тебя на груди, и ты понял, что сопротивляться бесполезно. Никто не собирался драться с тобой, но, не имея возможности противостоять мне, ты был вынужден сделать выбор.

И когда ты все это понял, тебе пришлось встать на ноги. Ты был послушен, и мы вышли из квартиры, заперев за собой дверь.

Доехав до парка, мы прошли на место. Ты пытался заговорить, пытался взывать к моему рассудку. Ты хотел получить еще один шанс. Ты не пытался бороться. И это было правильно.

Тебе было велено встать на колени и опять предложено выбирать, и вот тогда ты наконец повел себя достойно. И сделал правильный выбор.

Мне стало хорошо, когда нож оказался возле твоего горла. Правда была на моей стороне. И нож, направленный моей недрогнувшей рукой, глубоко вошел в твое тело.

На этот раз ты вел себя как мужчина и принес себя в жертву, имея в виду тот выбор, который был тебе предложен.

Хотя я надеюсь, что там, на небесах, ты понял, что все это были пустые хлопоты. Никакого выбора у тебя не было.

Глава 17

– Послушай, командир, может быть, просветишь меня насчет того, какого черта мы опять едем в эту глушь? – спросил Брайант, когда они в третий раз за день

проехали через Блэйкдаун.

– Нам надо выяснить, почему клиент вдруг оставил работу в «Окленде». Ведь он пятнадцать лет был там одним из боссов.

– Думаешь, он выбесил кого-то в клинике и в результате потерял работу?

– Не знаю, Брайант. – Ким отвернулась к окну. Это был сигнал для ее коллеги, что она не хочет больше разговаривать.

Тончайшая, и тем не менее бесспорная, связь с Хиткрестом и их последним крупным расследованием заставляла Ким снова и снова вспоминать о Доусоне. О его вкладе в расследование, готовности довести его до конца и о том, что он в конце концов погиб вместо двенадцатилетнего мальчишки.

Она была достаточно честна сама с собой, чтобы признаться себе: временами ей хотелось, чтобы все было наоборот. А потом с чувством вины отгоняла эту мысль, потому что мальчик был спасен, а ее коллега стал героем. Посмертно.

Пока они ехали, Ким вспоминала мельчайшие подробности того дела, пытаясь найти хоть какой-то намек на то, каким образом она могла предотвратить эту смерть.

Может быть, если б она уделила больше внимания тем тайным обществам, которые изучал Доусон, то смогла бы предугадать, что должно произойти, а может быть, ей надо было раньше вывести его из расследования...

«Но тогда бы погиб двенадцатилетний мальчик», – раздался голос в ее сознании. И, если б она была лучше, именно это было бы для нее самым главным.

– Нам всем его не хватает, командир, – негромко сказал сидевший рядом Брайант.

Она не стала с ним спорить. Сержант слишком хорошо знал ее.

– Я только одно хочу сказать... – добавил он, когда они повернули на парковку возле больницы «Окленд».

– Говори, – разрешила Ким.

– Если меня когда-нибудь ранят, я хочу, чтобы меня доставили сюда.
И наплевать, что добираться сюда целых сорок пять минут. Я готов потерпеть.

Ким улыбнулась. Она оценила такт своего коллеги и в том, как он оставил ее наедине с ее мыслями, и в том, как поменял тему разговора.

Брайант остановился на одном из свободных мест перед рядом цветочных клумб, которые сейчас были покрыты цветущими тюльпанами, крокусами и нарциссами.

Четырехэтажное здание из красного кирпича выглядело очень привлекательно. Для смягчения впечатления на окнах первого этажа были укреплены ящики для цветов. Ким помнила, что там расположены администрация, бассейн с гидромассажем, кабинет физиотерапии, ресторан, кафе и магазин. На втором этаже находились кабинеты врачей, а третий и четвертый были полностью отданы операционным и лечебным кабинетам, а также номерам люкс для пациентов. Она полностью согласилась с Брайантом.

Какой-то ремонтник, окруженный предостерегающими надписями, стоял на лестнице, поддерживаемой его коллегой, и менял трубку лампы дневного освещения в букве «Д» надписи «Окленд» над центральным входом. Из-за этого одни из автоматических дверей, ведущих внутрь здания, были заблокированы.

Ким уступила дорогу молодой женщине, ведущей за руку маленького мальчика с заплаканными глазами и пластырем на изгибе руки.

Вошедший сразу попадал в помещение, в котором кресла стояли вокруг кофейных столиков. Они были пшеничного цвета и гармонировали по цвету с ковром цвета овсяной каши – Ким показалось, что она оказалась в коробке с хлопьями. Инспектор никак не могла понять, почему дизайнер решил использовать только один цвет или его оттенки. Даже репродукции картин, висевшие на стенах, были все тех же бисквитных тонов.

Инспектор подошла к стойке, за которой ее уже ждала уравновешенного вида женщина с улыбкой наготове.

– Мне не назначено, – сказала Ким, показывая свое удостоверение. – Но я хотела бы поговорить с бывшим начальником Гордона Корделла.

Продолжая улыбаться, женщина сняла трубку, набрала номер и сообщила кому-то, что в приемной появилась полиция. В помещении ненавязчиво играла негромкая инструментальная музыка, так что никто из присутствовавших даже не заметил, что происходит.

Не более чем через минуту из коридора, помеченного как «только для сотрудников» появился хорошо одетый мужчина. На вид ему было сильно за пятьдесят. Густые, абсолютно седые волосы обрамляли приятное, запоминающееся лицо.

– Джон Хендон, управляющий директор. – Улыбнувшись, он протянул руку. – Чем могу служить?

Ким слегка дотронулась до его прохладной твердой руки. Титул мужчины напомнил ей, что в этом медицинском учреждении люди делают деньги. Его улыбка чем-то напоминала улыбку женщины с ресепшна – такая же широкая и открытая. Стоун представила себе слайды, которые, по-видимому, демонстрируют всем, поступившим на работу: «Вот как мы улыбаемся в „Окленде“. Даже если вы сообщаете плохие новости, не переставайте улыбаться».

– Мы хотели бы поговорить о Гордоне Корделле, – сказала она.

Лицо мужчины мгновенно напряглось. Кивнув, он пригласил их пройти вслед за ним через двойные двери. По длинному, покрытому ковром коридору они прошли мимо множества закрытых дверей, к офису в самом конце, на двери которого висела медная табличка с именем мужчины.

«Очень милый офис», – подумала Ким, когда он впустил их внутрь.

– Прошу вас, проходите и садитесь, – сказал Хендон, пройдя в левый угол кабинета, где стоял перколятор, полный кофе. – Могу я предложить вам что-нибудь? Если хотите, могу попросить принести чай...

– Нет, спасибо, – хором поблагодарили детективы. Они только что на ходу поели и выпили чай в «Литтл Чиф» в Хегли.

– Это правда? – спросил Хендон, усаживаясь за свой стол из тикового дерева. – Я имею в виду то, как он умер?

– Смерть наступила быстро, – сказал Брайант вместо ответа на вопрос.

– Бедняга... – Хендон покачал головой.

Ким села на один из обитых бархатом стульев и посмотрела на сертификаты в рамках, висевшие на стене за спиной мужчины. Как она поняла, среди них не было ни одного медицинского – лишь те, что касались делового администрирования.

– А где вы учились, мистер Хендон, если это не секрет? – спросила Ким.

– Детский сад и начальная школа «Колдгроув» в Хартфордшире, средняя школа и колледж в Дорсете, а потом – Кембриджский университет. Дипломы в деловом администрировании и экономике. – Он посмотрел Ким прямо в глаза. – Я не из Хиткреста и не имею отношения к тайным обществам.

– Но вы о них слышаны?

– Я не имею к ним никакого отношения. И не знаю – так, по крайней мере, мне кажется – никого из их членов. Об этих обществах много писали сразу после убийств в Хиткресте и смерти того офицера, который...

– Доусон, – вмешался в разговор Брайант. – Офицера звали Кевин Доусон.

– Шесть недель назад, – кивком поблагодарил его Хендон, – меня нанял совет директоров, чтобы я восстановил испорченную репутацию этой больницы, которая пострадала из-за недоказанных обвинений против доктора Корделла.

– Они не были... – сказала Ким, которая полностью убедилась в том, что они не разговаривают с членом тайного общества.

– Не были? – переспросил Хендон.

– Не были беспочвенными обвинениями, – пояснила Стоун. – Доктор Корделл действительно делал подпольные аборты. Или лучше так: мы знаем об одном, но их могло быть гораздо больше.

– Так как ему не было предъявлено обвинения и суд не признал его виновным, я не буду комментировать подобные клеветнические заявления, – сказал Хендон, и в голосе его послышался намек на юмор. – Вы ведь именно тот детектив, который пытался его обвинить?

Инспектор слышала это уже третий раз за день. На мгновение она задумалась, не этим ли закончится ее карьера. Не будут ли ее помнить только из-за этого единственного обвинения, которое она не смогла доказать, забыв о сотнях доказанных?

– Мне и сейчас, и раньше было досадно, что семья отказалась поддержать обвинение. Хотя сейчас это уже не имеет никакого значения.

– Вот именно, – просто ответил мужчина.

– Итак, вы именно тот человек, который уволил доктора Корделла? – спросила Ким, подумав о «новой метле» и так далее.

– Скорее мистер Корделл сам себя уволил.

– Это как? – не поняла Ким. Чтобы человек по доброй воле поменял вполне комфортную жизнь, которой наслаждался в течение пятнадцати лет, на необходимость влачить жалкое существование?

– Вы же его встречали, инспектор, и знаете, что он был не самым приятным человеком на свете. – Директор вздохнул. – Его поведение часто было бесцеремонным, пренебрежительным и совершенно неприемлемым. Хотя, при всем этом, он был блестящим хирургом. Его искусство спасло жизнь сотням пациентов, и именно поэтому его смерть – настоящая трагедия...

– Благодарю вас за это официальное выступление, а теперь мне хотелось бы услышать то, о чем вы предпочли в нем умолчать, – прервала его Стоун.

– Только его искусство могло извинить его невыносимое поведение. –
Неожиданно Хендон вспомнил то, что говорил несколько минут назад. – Но я ни в коем случае не говорю о том, что он был виновен. Слушания...

– Какие слушания?

– В тот момент, когда доктор Корделл покинул клинику, против него было начато внутреннее расследование. Он не соизволил явиться на официальную беседу и немедленно подал прошение об отставке.

Ким достаточно хорошо знала трудовое законодательство и сразу поняла, что без результатов этих слушаний Корделл был невинен, как непорочное дитя.

– А в чем его обвиняли?

– В сексуальных домогательствах, – с неприкрытым отвращением ответил Хендон.

– И как долго это продолжалось? – поинтересовалась Стоун. Пики вполне могли сфабриковать обвинение для того, чтобы избавиться от Корделла.

– Я не могу обсуждать это в отсутствие нашего юриста...

– Ладно, мистер Хендон, я все понимаю. Но, как по-вашему, обвинение имело под собой почву?

– Да, офицер. И это было не единичное обвинение. Как это часто бывает в подобных случаях, смелость одной женщины побудила других выступить с подобными же обвинениями.

Ким представила себе хэштег #metoo в «Твиттере», под которым тысячи женщин размещали свою информацию о сексуальных домогательствах и унижениях.

– И сколько же человек обвинили доктора Корделла в неподобающем поведении, мистер Хендон?

– Всего их оказалось тринадцать.

Глава 18

Трубку сняли после третьего гудка, но это был не тот голос, который она ожидала услышать.

– А где Стейси? – спросила детектив, внутренне напрягшись.

– Проверяет какую-то информацию, – ответил Пенн.

Ким постаралась успокоиться. Чем скорее они поймут мерзавца, убившего Корделла, тем скорее Пенна переведут в другой отдел. При этом Стоун знала, что с объективной точки зрения Пенн хороший полицейский, но он не подходил для ее команды.

– Брайант сейчас пришлет список. Всего тринадцать имен. Возможно, все они подвергались сексуальным домогательствам со стороны Корделла, и я хочу знать, насколько этим женщинам можно верить.

– Будет сделано, босс, – ответил Пенн.

– Действуйте осторожно, Пенн, – предупредила Ким. – Для начала просто проверьте их прошлое. Вопрос очень деликатный.

– Хорошо, босс.

– И пусть Стейси свяжется со мной, как только появится, – закончила разговор Ким. Если Стейси, после всего, что случилось с Доусоном, проверяет какую-то информацию, то она хочет об этом знать.

Глава 19

Хотя до дома Джесси Райан было совсем недалеко, казалось, что Эмма Уэстон живет в совершенно другой части города.

Седжли расположен на шоссе A459 между Дадли и Вулверхэмптоном и состоит из нескольких микрорайонов: Хай-Аркал, Тюдор, Котуолл-Энд, Браунсволл и Джиро-Сити[20 - Giro – сленговое обозначение государственных выплат малоимущим (социального пособия).], получившего свое название из-за того, что большинство его жителей жили на пособие.

Но сейчас Стейси оказалась в Бикон-Истейт, районе старой застройки, известном тем, что жильцы здесь сваливали мусор на соседние участки, а также различными склоками и многочисленными пожарами. Главной достопримечательностью района был Бикон-Хилл, свалка для мусора и краденых машин, которую часто посещали цыгане.

Несмотря на эту зловещую репутацию, район не шел ни в какое сравнение с районом Холлитри[21 - Один из районов муниципальной застройки с самым высоким уровнем преступности в Дадли.], так что многие наиболее проблемные семьи добровольно предпочли Бикону застройку в Бирли-Хилл.

Некогда ухоженные лужайки, изгороди из кустов по границам участков и ящики для цветов на окнах постепенно уступили место домам, построенным на горах мусора и окруженным жухлой травой, с грязными тюлевыми занавесками на окнах. В конце улицы располагалась общественная парковка, занятая сломанными машинами и полуразбитым «домом на колесах».

Перейдя дорогу, Стейси прошла мимо вполне приличной «Вольво», которая выглядела совершенно неуместной на этой богом забытой улице.

«Хозяин, должно быть, смельчак, что оставляет машину без присмотра», – машинально подумала она, пробираясь по косо уложенной плитке, ведущей к дому Уэстонов.

Дверь открыла сильно накрашенная девочка, посмотревшая на Стейси с подозрением.

– Вы кто? – спросила она, прежде чем Стейси успела открыть рот.

Констебль показала свое удостоверение.

– Детектив-констебль Стейси Вуд. Я по поводу Джесси. Можно войти?

Отрицательно покачав головой, Эмма Уэстон набычилась, как будто Стейси собиралась насильно ворваться в дом.

– Я уже все сказала, – грубо произнесла она.

Стейси знала, что вчера здесь был констебль, чтобы получить показания Эммы для отчета, но сама она уехала в Хейлсовен еще до того, как констебль вернулся в участок.

– Может быть, повторите всё еще раз? – Стейси, перед лицом грубости со стороны девочки, старалась вести себя как можно любезнее.

– Она пришла, мы послушали музыку, съели пиццу, и она ушла домой. В обычное время. Вот и всё.

– Может быть, ее что-нибудь беспокоило? – поинтересовалась Стейси.

Эмма покачала головой.

– А она что, вообще не говорила о ссоре с отчимом?

– Они все время ссорились, – девочка закатила глаза. – Этот мужик...

– Он что, бил ее? – Стейси подумала, что, может быть, на этот раз он переборщил.

– На этот раз, по-моему, обошлось без этого. Но в другие разы – да.

– Эмма, а у Джесси был мальчик?

Девочка покачала головой и прищурилась.

– Она ваша лучшая подруга? – не унималась Стейси.

– Ага, – ответила Эмма, словно готовилась защищаться.

– Тогда вы расскажете мне, если что-то узнаете?

– Ага, – повторила девочка.

– Хотя вас вроде бы никак не волнует то, что Джесси пропала, – заметила Стейси, чувствуя, что девочка начинает ее злить. Может быть, подружки не были так близки, как думает миссис Райан?

– Я просто отвечаю на ваши вопросы, и всё.

– И вас совсем не волнует ее судьба?

Эмма закатила глаза.

– Джесси почти шестнадцать, – сказала она так, будто с момента, когда ей исполнилось пятнадцать, ее подруга успела приобрести колоссальный жизненный опыт. – С ней всё в порядке, и она вернется, когда успокоится. Не дергайтесь.

– Вы такая спокойная потому, что она и раньше исчезала? – уточнила Стейси.

– Джесси сама может о себе позаботиться, – Эмма пожала плечами. – Она сильнее, чем кажется на первый взгляд.

– А вы что-нибудь знаете об отце Джесси? – спросила Стейси, посчитав, что девочки достаточно давно знают друг друга.

– С какой стати? Она и сама-то его практически не знала. Только имя, – быстро добавила Эмма.

Стейси насторожилась, заметив, как внезапно покраснела девочка.

– Эмма, Джесси видится со своим отцом?

– Не будьте душой. Она не видела его с младенчества.

«Что ж, придется с ним встретиться, чтобы убедиться в этом», – подумала Стейси.

– Послушайте, Эмма, я пришла, потому что мать Джесси волнуется. Дело в том, что Джесси нельзя без лекарств, – пояснила констебль.

– Ха, как будто эта глупая корова...

– Кто там, Эмма? – спросила женщина, открывая дверь пошире.

Стейси сразу стало понятно, что перед ней мать Эммы. У нее были такие же темные угрюмые глаза и толстый слой косметики на лице. Увидев удостоверение Стейси, женщина нахмурилась.

– Моей дочери больше нечего сказать, – заявила она, оттащила девочку от двери и с шумом захлопнула ее.

Стейси отошла от двери, потрясенная их отношением. Ведь пропала девочка, и она сейчас без лекарств...

Внезапно констебль поняла, почему мать Джесси была не в восторге от лучшей подруги своей дочери.

Прежде всего, нет никакой уверенности, что Эмма говорит правду, ну а кроме этого, Стейси показалось, что она узнала выражение на лице девочки, когда мать оттаскивала ее от двери. И если б ей задали вопрос, что это было за выражение, то она ответила бы, что больше всего оно походило на триумф.

Глава 20

Было почти шесть часов, когда Брайант, пробившись сквозь пробки часа пик, припарковался на стоянке перед больницей Рассел-Холл. По мнению Ким, то время, которое они уже провели в машине, и то расстояние, которое преодолели, никак не коррелировались с теми успехами, которых они успели добиться.

– Сколько еще она будет здесь? – спросил Брайант, заглушив двигатель.

– Сказала, что будет ждать нас в кафе, – с этими словами Ким выпрыгнула из машины, – до половины шестого. И мы вполне могли успеть, если б ты немного притопил.

– Да пробка эта чертова помешала...

Ким чувствовала, как ей не хватает возможности самой сесть за руль. Если б машиной управляла она, то они нырнули бы в переулки и, срезая там, где можно и где нельзя, успели бы вовремя. А Брайант предпочел смириться с тем, что все дороги превратились в одну большую пробку, и стал ждать.

– Если она уже ушла, то это будет твоя вина, – на ходу бросила Ким, устремляясь к автоматическим дверям.

– Ну да, запиши на мой счет, – проворчал сержант.

В больнице царил тот самый бардак, который случается, когда пациенты из поликлиники расходятся по домам, а в клинику начинают прибывать посетители стационарных больных. Ким скрестила пальцы, в надежде избежать встречи с доктором Шахом. Ведь все это мало походит на сидячую работу.

В кафе было многолюдно и шумно, но Стоун сразу заметила женщину. Не в последнюю очередь потому, что та с нетерпением смотрела на вход. И хотя они никогда не встречались, Ким поняла, что женщина тоже узнала ее.

– Миссис Уилсон, спасибо, что дождались, – поблагодарила детектив.

Она знала, что главный врач больницы – человек занятой, и им повезло, что женщина смогла наскрести несколько минут для беседы.

– Простите, что не смогу уделить вам много времени. У меня через десять минут встреча.

Ким бросила взгляд на Брайанта, который прошел мимо нее к автомату с кофе.

– Я прямо к делу, – сказала в ответ инспектор, подумав, что в мире уже не осталось руководителей, которые работали бы строго с девяти до пяти.

По виду женщине было лет тридцать пять. И хотя прическа в виде пучка волос на затылке еще держалась, несколько локонов успели за день выбиться из нее. Мейк-ап, наложенный утром, давно стерся.

– Бесконечные интервью, – пояснила женщина.

– Ищете замену Корделлу? – уточнила детектив.

– Может быть, это покажется вам бессердечным, – ответила Уилсон, – но хирургов надо заменять как можно скорее. Мы уже отменили три больших и пять рутинных...

Ким догадалась, что речь идет об операциях.

– Да, цифры не радуют, – заметила она. Вопрос отмены операций в государственных клиниках муссировался по телевизору в каждой новостной программе.

– Еще меньше радуются пациенты, – холодно заметила Уилсон. – Две из трех больших операций были сложными случаями, требующими удаления матки. – Она помолчала. – Рак. – Покачала головой. – Остальные хирурги работают изо всех сил, чтобы заменить выбывшего из строя, но потеря одного человека – это серьезная потеря.

Ким кивнула в знак понимания. Она могла только представить себе, какому давлению со стороны политиков, общественности и пациентов подвергается ее собеседница. Ее вовсе не удивило бы, если бы женщина на таком посту превратилась в заезженную клячу, – а Уилсон еще как-то умудрялась оставаться человеком.

Главврач вызывала у Ким симпатию.

– Как мы понимаем, доктор Корделл много лет работал здесь по совместительству?

– Он начал задолго до меня, – Уилсон кивнула. – Сразу же после того, как у его жены случился второй выкидыш двадцать лет назад. Он рассказывал, что тогда Солу было семь, а Люку – пять, но Лилит отчаянно хотела дочку. Ее привезли сюда, и хотя ребенка спасти не удалось, он так и не забыл наших усилий.

– И около месяца назад Корделл стал работать здесь на постоянной основе? – уточнила Ким.

– Когда он ушел из «Окленда», мы мгновенно ухватились за него. Мы были бы идиотами, если бы не сделали этого. – Уилсон посмотрела на часы. – Несмотря на все недостатки, он был блестящим хирургом.

– Но до вас дошли слухи относительно Хиткреста? – поинтересовалась Ким.

– Слухи... – Главврач фыркнула. – Посмотрите вокруг, офицер. У нас работают врачи, медсестры, вспомогательный персонал, администраторы, регистраторы, уборщики, добровольцы. Да у нас здесь маленький город. И мы не можем позволить себе роскошь прислушиваться к слухам.

– А вы связывались с «Оклендом», чтобы получить рекомендации?

– Конечно, – ответила Уилсон, подвигаясь на диване, потому что подошел Брайант. Еще один взгляд на часы. – Нам сказали, что там против него начали служебное расследование, но не стали распространяться по этому поводу.

Ким поняла, что главврачу пришлось принимать решение, основываясь на той информации, которой она располагала. Слухи слухами, расследования расследованиями, но здесь, в больнице, на его стороне была незапятнанная репутация и сотни спасенных жизней.

Сама она поступила бы точно так же.

– А теперь офицер, мне действительно уже...

Не договорив, Уилсон встала. Их время истекло.

– То есть вы можете подтвердить, что здесь на доктора Корделла никто не жаловался? – спросила Ким.

В этот момент зазвонил телефон Уилсон.

– Конечно, нет, инспектор, – женщина нахмурилась. – Более того, все было с точностью до наоборот.

«Черт, мне бы еще несколько минут», – подумала Стоун, наблюдая, как Уилсон исчезает в левом коридоре.

Справа от Ким какой-то человек поднял голову и посмотрел детективу прямо в лицо. В его глазах мелькнуло узнавание – Ким оказалась той, кому он накануне предложил стул, и она от него благополучно отказалась.

Стоун улыбнулась и кивнула ему. Брайант проследил за ее взглядом и нахмурился.

– Это мой приятель Терри, – сказала инспектор, беря в руки кофе.

– Итак, тринадцать обвинений в «Окленде» и ни одной жалобы здесь. Какие мысли по этому поводу?

Ким сделала глоток кофе и глубоко вздохнула:

– Честно сказать, Брайант, я ничегошеньки не понимаю.

Глава 21

– Ну, как прошел день, мальчик? – спросила Ким у Барни, кладя на землю его сухой корм и кусочки цыпленка.

Если б он мог говорить, то рассказал бы ей, что Чарли, сосед, зашел за ним около двух часов дня, и они отправились на долгую и приятную прогулку, вернувшись с которой он провел пару часов на тенистом заднем дворе в доме Чарли.

Подобные договоренности всех полностью устраивали. Потеряв два года назад своего любимого лабрадора, Чарли, которому было семьдесят шесть лет, не захотел заводить новую собаку и взваливать на себя груз ответственности. Семьи у него не было, и его очень волновало, что будет, если с ним что-нибудь случится. Кроме того, прекратив ездить за рулем, он уже не мог возить собаку в ветеринарную клинику. При всем при этом Чарли был истинным собачником и страшно скучал в отсутствие пса.

Сумасшедший рабочий график Ким заставил ее задуматься о необходимости иметь кого-то, кто сможет позаботиться о ее лучшем друге. На том и порешили. Особенно был рад Барни, который теперь мог гонять белок возле кормушек для птиц на заднем дворе у Чарли.

Инспектор устроилась с кофе на диване. Через несколько мгновений Барни был уже рядом, уткнувшись носом в ее свободную руку. Если Ким правильно помнила, то «запрет на диван», установленный ею в день появления в доме щенка, продержался всего две с половиной минуты.

– Вот какая у нас с тобой проблема, мальчик, – с серьезным видом сказала она. – Мне надо выйти, а за руль мне нельзя.

Пес склонил голову набок, как будто обдумывал возникшую проблему.

– Мы оба знаем, что о мотоцикле не может быть и речи, – с сожалением продолжила Ким. – И хотя я по нему жутко скучаю, даже мне понятно, что сейчас он мне недоступен. А вот когда доктор говорил о том, что мне нельзя за руль машины, то, мне кажется, это была скорее рекомендация, а не приказ. Как ты думаешь?

Ответа не последовало.

– Ты же понимаешь, я не собираюсь заняться скалолазанием или бродить по горам. Надо проехать всего несколько миль, а если я еще и тебя прихвачу с собой, то мне не будет одиноко... Ну, как думаешь – рискнем?

Пес гавкнул, и Ким улыбнулась.

– Я так и думала, шалун.

Она встала, и Барни, спрыгнув с дивана, выжидающе посмотрел на нее.

Взяв куртку и ключи от машины, Стоун открыла дверь.

Барни, помахивая хвостом, уселся возле передней пассажирской двери двенадцатилетнего «Гольфа».

– Назад, – велела Ким, открывая заднюю дверь. – Теперь, если что-то пойдет не так, во всем будешь виноват ты, – сообщила она его отражению в зеркале заднего вида.

Собака тявкнула, а инспектор поставила ноги на педали. Левая успела устать после всех дневных событий, но если она поедет с приемлемой скоростью, то ей не придется постоянно давить на педали.

Пока они ехали эти пять миль, Стоун говорила со своим попутчиком. Наконец с облегчением увидела, что они прибыли на место. Пульсирующую боль в ноге она старалась игнорировать.

Выбравшись из машины, Ким открыла дверь для Барни.

Когда она подошла и постучала в знакомую дверь, пес сел рядом.

Появился хозяин дома и улыбнулся им обоим.

– Привет, Тед. Нет ничего удивительного в том, что мне опять нужна твоя помощь.

Глава 22

Когда в восемь пятнадцать вечера Стейси подошла к двери, она заколебалась. Девушка не знала, можно ли в такое время стучаться к мужчине. Хотя было еще светло, ее мать вбила ей в голову несколько непреложных правил. Стейси не разрешалось ходить к подругам до десяти утра и после восьми вечера. Мама всегда говорила, что таким образом она демонстрирует свою порядочность и уважение к другим людям.

«Но ведь исчезла его дочь-подросток», – успокоила Стейси сама себя и негромко постучала в дверь с витражом.

Неброский фасад дома выглядел ухоженным, а сам дом располагался всего в полумиле от того места, где жила Стейси, между Нетертоном и Дадли.

Дверь открыл стройный, привлекательного вида мужчина ближе к сорока, одетый в джинсы и простую белую футболку. У него были светло-каштановые волосы, а на висках кое-где пробивалась седина.

– Мистер Данн? Джеффри Данн? – уточнила Стейси, показывая свое удостоверение.

Мужчина нахмурился и кивнул.

– Я по поводу Джесси, – пояснила констебль. – Вашей дочери, – добавила она, прежде чем поняла, что в этом нет никакой нужды. Мужчина явно знал, кто такая Джесси.

На его лице появилось беспокойство.

– Можно войти? – спросила Стейси. – У меня к вам несколько вопросов.

– Ну конечно. – Мужчина сделал шаг в сторону, словно только что вспомнил о хороших манерах.

Стейси прошла на кухню, по пути оглядываясь в поисках возможных улик. На вешалке висела всего одна куртка. В воздухе констебль не уловила никакого запаха парфюмерии. На кухне все было аккуратно убрано, на столе лежали продукты для приготовления сэндвича. Ни бокалов, ни чашек, ни тарелок, которые могли бы ей что-то подсказать.

– Так что же случилось с Джесси? – спросил хозяин, прерывая ее тайное обследование дома.

Он не пригласил ее сесть, так что Стейси осталась стоять.

– Боюсь, что ваша дочь пропала, мистер Данн, – сказала она.

И хотя он стоял к ней спиной, констебль увидела, как напряглись его плечи, прежде чем он покачал головой.

– Уверен, вам известно, что последний раз я видел ее, когда ей было четыре года.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Миз – госпожа...; нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах. Ставится перед фамилией женщины – как замужней, так и незамужней.

2

Здесь и далее: подробно об этих событиях рассказано в романе А. Марсонс «Мертвая ученица».

3

Черная Страна – территория в Западном Мидленде (Уэст-Мидлендс), к северу и западу от Бирмингема; во времена индустриальной революции считалась наиболее развитой в индустриальном плане частью Англии.

4

Церемониальное метрополитенское графство на западе Англии, входит в состав одноименного региона. В состав графства входят города Бирмингем, Вулверхэмптон и Ковентри, а также расположенная между ними урбанизированная территория.

5

Около 7,5 кг.

6

Около 140 кг.

7

См. роман А. Марсонс «Немой крик».

8

Небольшой городок в Западном Мидленде, расположенный в 2,5 мили от Дадли.

9

Деревня, расположенная недалеко от Дадли и Брирли-Хилл.

10

Крупный торговый центр в округе Дадли. Считается одним из самых крупных английских городов, в которых нет железнодорожной станции.

11

Защитный механизм психики, заключающийся в уклонении (отказе, уходе) от ситуаций и источников неприятного воздействия.

12

Хит вокального дуэта «Питчер энд Херб» (1978).

13

См. роман А. Марсонс «Мертвые души».

14

См. роман А. Марсонс «Черная кость».

15

От «суперинтендант» – звание старшего офицерского состава полиции, второе после комиссара.

16

Около 13 см.

17

Около 5 см.

18

Около 180 см.

19

В данном случае автор сравнивает потрясение от смерти близкого человека с землетрясением.

20

Giro – сленговое обозначение государственных выплат малоимущим (социального пособия).

21

Один из районов муниципальной застройки с самым высоким уровнем преступности в Дадли.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/anzhela-marsons/rokovoe-obeschanie>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)